ЯЧКАНОВ

ОЧЕРКИ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОДЕССЕ



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1917-1927

Г. АЧКАНОВ

ОЧЕРКИ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ в ОДЕССЕ

W. MEHL

Истпартотдел Одесского Окружного Комитета К. П. (б.) У.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Г. АЧКАНОВ

ОЧЕРКИ ФЕВРАЛЬСКОЙ и ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОДЕССЕ

(РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ОДЕССЕ В 1917—1918 г. г. И РОЛЬ БОЛЬШЕВИКОВ)

ИСТПАРТОТДЕЛ ОДЕССКОГО ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА К. П. (Б.) У.
1927 г.

ТИПОГРАФИЯ „ИЗВЕСТИЯ“
ИМЕНИ ТОВ. ЗИНОВЬЕВА,
ОДЕССА, ОКРЛИТ № 436.
ЗАКАЗ № 2552. 4000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Было несколько попыток со стороны активных участников Февральской и Октябрьской революции в Одессе и на Юге собраться и написать свои воспоминания о 1917 и 1918 годах, но они ни к чему не привели. Я также несколько раз пытался писать свои воспоминания об этом периоде и все откладывал до более благоприятного момента.

Время шло, а благоприятного момента не было.

Наконец, опубликованное в «Правде» об'явление Комиссии по подготовке празднования десятилетия Октябрьской Революции при Истпарте ЦК ВКП(б) побудило меня взяться за перо и написать несколько очерков о событиях Февральской и Октябрьской революции в Одессе и на Юге.

Из-за того, что уже прошло почти девять лет с того момента, целый ряд фактов и имен активных участников этого периода забыт. И вот, при составлении этих очерков я ставил перед собой задачу дать картину наиболее характерных событий того периода, осветив в них, главным образом, роль и влияние большевиков на развитие событий того времени. Поэтому-то многие, даже весьма интересные детали развития Февральской революции в Одессе мной не затронуты и поэтому описание событий вышло неполным. Роль многих крупных и средних работников этого периода также не освещена из-за отсутствия у меня под рукой документов.

Таким образом, выходит, что эти очерки больше личные воспоминания, нежели точное и последовательное изложение революционных событий.

Должен еще сделать такую оговорку: при составлении этих очерков я не располагал необходимыми документами, а поэтому не мог указать ряда важных дат, не мог также осветить некоторые важные моменты развития Февральской и Октябрьской революции в Одессе*).

Имеется в этих воспоминаниях и целый ряд других очень важных дефектов, и все-же я думаю, что здесь освещен целый ряд фактов, который не затрагивался другими товарищами, и это обстоятельство несколько сгладит наличие дефектов, дополнив имеющиеся по этому вопросу материалы.

Автор.

---

*) Истпартом важнейшие даты проверены и дополнены по документам Очерки проработаны и одобрены группами содействия Истпарту, б. одесскими работниками, в Москве и Харькове. *Редколлегия.*

СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.

Когда телеграф принес радостную весть, что — «Николай кровавый, под напором революционных масс, выступивших на улицу, свергнут с престола», Одесские рабочие приступили к организации Совета Рабочих Депутатов.

В Одессе, как и в других крупных центрах царской России, в начале 1917 года чувствовался недостаток многих продуктов, но Одесса была в более благоприятном положении, нежели другие города страны и надвигавшийся продовольственный кризис здесь, как вообще на Украине и Кубани, еще не давал себя чувствовать так, как это чувствовалось в Центральной России и особенно в Петрограде.

Но запах революционной весны чувствовался и в Одессе, и настроение одесских рабочих становилось революционнее с каждым месяцем.

Тут будет уместным сказать, что революционные партии к моменту Февральской революции в Одессе были довольно слабы. Была социал-демократическая организация, к которой примыкали некоторые большевики.

Самостоятельной-же большевистской организации к моменту Февральской революции не было. На отдельных предприятиях были большевики—рабочие, но в очень ограниченном количестве.

Меньшевики, по преимуществу интеллигенты, были организованы в соц.-дем. организацию.

Это положение и сказалось на первом организационном собрании Одесского Совета Рабочих Депутатов*), на котором избранный Исполнительный Комитет состоял из целой трети — меньшевиков, нескольких большевиков, а остальные были беспартийные.

Президиум Исполкома сформировался так: — председатель Гниденко — меньшевик**), тов. председателя — Дудюк — меньшевик, члены Президиума: Фельдман, — меньшевик, Берштейн Э. А., — бундовка и Борисов — социалистически настроенный рабочий.

Затем продолжались выборы Совета Рабочих Депутатов на фабриках и заводах, не успевших избрать членов Совета, а также происходили выборы членов Совета среди

---

*) 6/III Первое собрание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

**) И. В. Гниденко судился, как анархист в 1906 г., впоследствии он примкнул к с-эр., а в революционные дни к С. Д.

моряков. Избранные члены Совета из своей среды, по установленной норме представительства, дополнительно избрали членов Исполнительного Комитета. В числе других членов Исполнительного Комитета на дополнительных выборах, был избран и Ачканов Г., который на заседании Исполнительного Комитета, был доизбран в члены Президиума — единственный большевик.

Таким образом, как в президиуме, так и в Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов, первое время, преобладали меньшевики. Но через некоторое время, во время выборов на 1-е Всероссийское Совещание Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, произошло некоторое изменение в соотношении влияния в Исполнительном Комитете, С.Р.Д.

Президиум, при обсуждении вопроса о выборах на Всероссийское Совещание, наметил кандидатов: меньшевика Дудюка и бундовку Берштейн, но при обсуждении кандидатур в Исполнительном Комитете, — надо заметить — без подготовки со стороны членов Исполнительного Комитета С.Р.Д. большевиков, а по инициативе части беспартийных и большевиков, были выдвинуты другие кандидатуры, которые и были избраны, а именно большевик Ачканов Г. и социалистически настроенный рабочий Борисов.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ.

Совет Рабочих Депутатов — в лице Исполнительного Комитета, — наравне с другими организациями города принимал участие в разгоне черносотенной Думы, городским головой которой был известный черносотенец Пеликан, и в организации вместо Думы — Общественного Комитета, составляющегося из разных общественных групп.

В Общественный Комитет вошли по преимуществу либералы общественники и общественные группы либеральных профессий: — адвокаты, врачи, учителя, работники союза городов и т. д. Во главе этих общественных групп был кадетский комитет, возглавляемый тогда редактором газеты «Одесский Листок» Штерном.

В Общественном Комитете в первые дни преобладали кадеты, которых поддерживали либералы, радикалы и просто обыватели.

В президиум Общественного Комитета от общественных групп входил меньшевик, доктор В. Богуцкий. Совет Рабочих Депутатов, наравне с другими общественными организациями, принял участие в Общественном Комитете. Временным городским головой был избран кадет инженер Брайкевич, товарищем городского головы меньшевик, доктор В. Богуцкий.

Общественный Комитет из своего состава избрал Городскую Управу и президиум, в состав которого вошли три

члена президиума Совета Рабочих Депутатов: — Гниденко, Дудюк и Борисов.

Этот новый орган Городского Управления очень прислушивался к голосу Совета Рабочих Депутатов, как верховной организации Одесских рабочих и, несмотря на то, что Совет в Общественном Комитете имел своих представителей всего только около трети общего состава к его предложениям относились очень внимательно, я бы сказал, с некоторым трепетом.

Комитет Совета возбудил вопрос—по инициативе большевиков — о необходимости немедленной ликвидации Одесской полиции и отправке ее на фронт. При обсуждении данного вопроса в Общ. Ком. кадеты, возглавляющие его призидиум, при пассивном поведении меньшевиков, пытались снять этот вопрос с обсуждения и оставить полицию, но большевики категорически настаивали на своем, предложив полицию заменить общественной милицией, и в конце-концов, несмотря на сопротивление кадетов и других мелко-буржуазных групп, это требование было принято и передано в Комиссию по отсрочкам о военнообязанных для немедленного исполнения.

Этот факт характеризует положение, как в самом Общественном Комитете, так и за пределами его, достаточно выявив настроение мелко-буржуазных групп и интеллигенции, которые, с одной стороны, хотя и приветствовали Февральскую революцию, но с другой — боялись проведения в жизнь революционных мероприятий, вытекавших из существа Февральской революции.

Поведение меньшевиков, как в Общественном Комитете, так и вообще, характеризует еще следующий факт — происходят перевыборы президиума Общественного Комитета, читается его отчет, при чтении отчета члены Исполнительного К-та Совета Рабочих Депутатов — большевики подвергают деятельность президиума критике, а меньшевики, совместно с кадетами берут президиум под свою защиту.

Благодаря этой защите был провален в городские головы меньшевик, доктор В. Богуцкий, которого поддерживал Исполнительный Комитет С.Р.Д. и избран к-д Брайкевич.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СРД.

В самом же Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов большевики, несмотря на свою малочисленность, вскрыли перед рабочими соглашательскую политику меньшевиков и предложили резолюцию, осуждающую их поведение как членов президиума Общественного Комитета входивших туда, как представители Совета Рабоч. Депутатов. Резолюция эта и была принята большинством голосов беспартийных и большевиков.

Вместе с тем, при обсуждении вопроса о введении в состав Городской Управы трех членов Исполнительного Комитета, были по предложению большевиков приняты кандидатуры: большевика Алексеева — рабочего, — сочувствующего большевикам Коваленко и третьего Рысс — меньшевика, третья кандидатура прошла только потому, что в составе Исполнительного К-та не нашлось еще кандидатуры большевика на этот пост.

Такое положение в составе Исполнительного Комитета заставило меньшевиков считаться с теми предложениями, которые вносили большевики, несмотря на их малочисленность.

Подтверждением этого служит следующий факт: — когда вернувшись с 1-го Всероссийского Совещания Совета Рабочих Депутатов, Ачканов внес предложение в президиум Совета о приглашении тов. Старостина для работы в Одессу (он в то время еще находился в Иркутске), то это предложение было принято. Президиум послал телеграмму в Иркутск с просьбой откомандировать Старостина в распоряжение Одесского Совета.

Повидимому, меньшевистский президиум предпринял этот шаг из опасения провалиться по данному вопросу.

Этот-же Исполнительный Комитет накануне первого мая — по предложению большевиков, — принял постановление о введении 8-ми час. рабочего дня на всех фабриках и заводах г. Одессы. Но, так как власть в то время была в руках Общественного Комитета, а фабрики и заводы еще были в руках своих владельцев, то для проведения этого постановления в жизнь, Г. Ачканову поручили по данному вопросу вести переговоры с О-вом Фабрикантов и Заводчиков, которое тогда возглавлял Одесский Комитет кадетов.

Во время переговоров, Правление О-ва Фабрикантов и Заводчиков всячески старалось оттянуть переговоры и заручиться мнением Общественного Комитета по данному вопросу. Между прочим, правленцы выдвинули и такие доводы: — правление без общего собрания фабрикантов и заводчиков не имеет возможности, если бы даже и пожелало, провести в жизнь такую важную меру, т. к. владельцы сейчас не все в городе и для их вызова требуется продолжительное время, поэтому необходимо отложить обсуждение данного вопроса до общего собрания фабрикантов и заводчиков.

Тогда представитель Исполнительного Комитета сделал заявление от имени Совета, что ввиду отказа Правления Об-ва Фабрикантов и Заводчиков ввести 8-ми час. рабочий день, Исполнительный Комитет вынужден будет с 1-го мая провести эту меру явочным порядком.

Заявление это подействовало и правление О-ва Фабрикантов и Заводчиков попросило два дня для ответа.

Тем временем рабочие, прочитав в газетах постановление Исполнительного К-та, сами явочным порядком стали проводить в жизнь постановление о 8-мичасовом рабочем

дне. О-во Фабрикантов и Заводчиков, таким образом, стало перед совершившимся фактом и вынуждено было ему подчиниться.

Исполнительный Комитет при своем конструировании разбился на следующие секции: — Труда, Общественной безопасности, Красной Гвардии, борьбы со спекуляцией и др.

Мне в дальнейшем придется остановиться на том, что секция Красной Гвардии развивалась и организовывала рабочих в десятки и сотни и как усиливалось тяготение широких рабочих масс в Красную Гвардию.

РАЙОННЫЕ СОВЕТЫ Р. Д.

С развитием деятельности Совета Рабочих Депутатов явилась необходимость организовать также Районные Советы, которые и возникли под названием: Пересыпского, Слободского, Дальницкого или Молдаванского Железнодорожного, Александровского и Городского.

Когда были избраны Районные Исполнительные Комитеты, то они из своего состава выделили дополнительно членов Исполнительного К-та в Общегородской К-т Совета. Благодаря этому обстоятельству, Исполнительный Комитет пополнился представителями районов, которые в большинстве были большевиками или сочувствующими большевикам и это-то обстоятельство изменило соотношение сил внутри самого К-та. Меньшевики стали еще больше утрачивать свое влияние на Исполнительный Комитет, а большевики наоборот — усилились, и усилились настолько, что, несмотря на то, что президиум оставался меньшевистский, все же он вынужден был проводить целый ряд предложений большевиков; за-сим, само собой, перед Исполнительным Комитетом встал вопрос о необходимости себя переизбрать.

И вот на совете был сделан доклад о перевыборах, а после его обсуждения произошли и самые перевыборы. В результате в составе нового Исполнительного К-та большинство образовалось из большевиков и представителей того течения эсеров, которое скоро стало известно под именем «левых эсеров». Меньшевики потерпели значительное поражение.

При конструировании вновь переизбранного Исполкома было внесено некоторое изменение и в конструкцию президиума: так вместо председателя и товарища председателя была образована председательская коллегия из трех лиц: двух большевиков — Рузера и Ачканова Григория и левого с.-р. Фишмана, секретаря президиума анархиста Фельдмана и членов президиума — рабочих меньшевиков Боркуна и Хворостина.

СОВЕТЫ СОЛДАТСКИХ, МАТРОССКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ.

Параллельно Совету Рабочих Депутатов в Одессе — в 1917 году, также был образован Совет Солдатских Депутатов*), который имел свой самостоятельный Исполком и свой самостоятельный от С. Р. Д. аппарат.

Председателем С. С. Д. был избран эсерствующий капитан 1-го ранга — командир броненосца «Синоп» — Зарудный**).

Наиболее видные члены президиума были солдаты — Холопов, Гурьев и Трюх — большевики и несколько меньшевиков и с.-р. офицеров и солдат.

В президиуме солдатских депутатов преобладали меньшевики и с.-р., что и сказалось на избрании председателя.

Совет Матросских Депутатов в 1917 г. в Одессе также был самостоятельным.

Наиболее видные члены президиума Совета М. Д. были — Кондренко, впоследствии комиссар флота Одесского рейда — большевик; капитан II ранга Власов; матросы Скобелев и Попов — большевики.

Совет Крестьянских Депутатов организовался позже Совета Рабочих Депутатов под руководством старой большевички Арнольд, Веры Степановны, впоследствие отошедшей от партии.

Все Советы имели резиденцию в Воронцовском Дворце на Николаевском бульваре, теперь бульвар им. тов. Фельдмана.

Для координации действий по целому ряду общих вопросов — устраивались об'единенные заседания президиумов.

1-ое МАЯ.

Для подготовки демонстрации 1-го Мая 1917 года была выделена об'единенными президиумами — комиссия.

В комиссии вначале возникла некоторая неуверенность в успешном проведении демонстрации, так как настроение некоторых воинских частей советам не было известно и в том числе настроение терских казаков.

План проведения демонстрации был разработан детально, было подсчитано, приблизительно, сколько будет с каждого района демонстрантов, были намечены сборные пункты и установлено время выхода.

Для руководства демонстрацией в каждом районе были выделены руководители и ответственные распорядители.

---

*) Первый Совет Солдатских Депутатов—12/III 1917 года.
**) 14/III.

Демонстрация превзошла все ожидания и превратилась во всенародный праздник.

Интересно отметить некоторые ее моменты.

Так на таможенной площади был сборный пункт для моряков, и каково было удивление многих товарищей, когда они увидели там не только матросов, но и весь штаб транспортной флотилии, во главе с адмиралом Фоменко. Эта колонна демонстрантов больше всего обращала на себя внимание не только своей организованностью, но и красотой. Демонстранты направлялись по установленным для каждого района маршрутам на Думскую площадь, где была сооружена трибуна с которой президиумы Советов приветствовали демонстрантов, а рядом с трибуной был живой памятник труда и революции, сооруженный за одну ночь и состоявший из деревянного пьедестала, окрашенного под серый мрамор. Внизу пьедестала, с одной стороны, наковальня с живым кузнецом державшим наготове молот, с другой стороны, крестьянин с серпом и снопом, а посредине за швейной машиной швея.

На пьедестале стояли три живые фигуры: — по краям матрос и солдат держали наотмашь винтовки, а посредине рабочий с красным знаменем; солдат и матрос, свободной от винтовки рукой, держались за древко знамени.

В демонстрации участвовало свыше 300.000 человек: все рабочие и служащие, все военные части, а также крестьяне пригородных сел.

Особый эффект демонстрация получила вечером, когда неожиданно на бульваре появились терские казаки, иллюстрировавшие свою лойяльность Февральской революции (об участии в демонстрации терских казаков знали только некоторые члены комиссии по организации демонстрации).

На Думскую площадь галопом и стройными рядами, во главе с седобородым полковником, влетел полк терцев, которые тут-же перед трибуной демонстрировали джигитовку.

Беспорядок внесли сионисты, которые, не предупредив комиссию о своем участии в демонстрации, вдруг неожиданно появились большой группой, состоявшей преимущественно из учащихся, с своими голубыми знаменами. Сионисты пытались врезаться в средину демонстрации и смешаться со всей ее массой, но мерами распорядителей, сионистская демонстрация, как неорганизованная, была направлена по другим улицам с тем, чтобы не задержать и так затянувшуюся процессию и чтобы не смешать националистическо-буржуазную демонстрацию с демонстрацией труда.

Шествие длилось с 9-ти часов утра до 6-ти час. вечера.

В этот день весь город и пригороды были на улице. Настроение у всех было праздничное и бодрое. Это кажется единственный день за всю революцию, когда было такое единодушие почти у всех слоев Одесских жителей, за исключением крупной буржуазии.

Демонстрация закончилась митингами по районам — на площадях.

После 1 мая Одесса постепенно стала расслаиваться по классовым группировкам, между которыми обострялась борьба, приведшая в конечном счете к вооруженным столкновениям и гражданской войне.

Если командный состав армии и флота — офицеры — 1-го Мая демонстрировали вместе с солдатами, матросами и казаками, то не потому что они все были рады первому свободному празднику труда и торжеству над свергнутым царизмом, большинство из них демонстрировало только для того, чтобы сохранить прежнее влияние на солдат и матросов и при первом удобном случае использовать воинские части для подавления революции. В этом мы убедились через несколько месяцев, когда старое офицерство стало организовывать контр-революцию под разными соусами: — Украинской рады, гайдамацких куреней, польских легионеров и тому подобных группировок.

КОНСТРУИРОВАНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

Будучи в Питере на 1-м Всероссийском Совещании Советов мне пришлось просить ЦК нашей партии послать в Одессу несколько человек для руководящей работы, и ЦК через некоторое время послал группу т.т., кроме того некоторые из т-щей возвратились из ссылок и фронта, вышли из тюрьмы, так что к июню 1917 г., когда на лицо оказалась солидная группа, мы устроили организационное собрание (при латышском клубе), на котором избрали организационное бюро в составе: — Заславского, Ачкановых Григория и Федора, Хмельницкого, Александра, Воронского, Зифельда, Земита и других.

После этого собрания организационное бюро стало собирать большевиков на собрания в училище Лигина, здесь-то и стала оформляться наша организация, но вначале она все еще как фракция входила в одну с.-д. организацию с меньшевиками. В руках меньшевиков была газета «Южный Рабочий» и партийная касса.

В июне было созвано общегородское собрание соц.-демократов в городской аудитории. К этому времени железнодорожный район и пересыпский уже целиком были большевистские, а в других районах тоже стали оформляться значительные группы большевиков. На общегородском собрании должны были произойти перевыборы городского Комитета.

При открытии собрания выяснилось, что на нем большинство большевистское, так как президиум был избран

большевистский. Лидеры меньшевиков попытались было сорвать собрание, но это им не удалось и они демонстративно покинули собрание, а за ними ушла часть меньшевистской массы, рабочие-же остались.

На этом собрании был избран комитет большевиков в составе: — Ал. Хмельницкого, Воронского, Заславского, Рузера, Кристалловского, Ачканова Григория, Мизикевича, Земита, Зифельда, Гайсинского Мих., Старостина и Осипова. Председателем Комитета избрали Хмельницкого, секретарем Заславского*).

Таким образом, к новому Комитету должны были перейти все права старого; и на газету и на кассу, но меньшевики отказались передать газету и кассу и оставили при своей организации и деньги и газету.

Раскол одесской организации с.-д. значит оформился. Затем, на районных собраниях тоже произошло оформление большевистских организаций и меньшевики, теряя свое влияние, отошли в сторону. Комитет большевиков стал издавать свою газету «Голос пролетария», открыв широкую подписку и об'явив сборы на газету. Рабочие и солдаты откликнулись на этот призыв, и в редакцию «Голос пролетария» потекли обильные сборы, как от рабочих, так и от солдат. Главную работу в газете вели т.т. Воронский и Заславский. Для Комитета было нужно помещение. Городская Дума была кадетско-с.-р. меньшевистская — на нее стало быть, расчитывать нечего было. Тогда тов. Глебов-Дубровин с отрядом солдат авиопарка — реквизировал на Полицейской улице трактир, поставив военную охрану, предложил это помещение в распоряжение большевистского Комитета. Здесь был и партийный комитет и партийный клуб. С этого момента еще шире стала развиваться наша партийная работа.

Нужно отметить, что до избрания нашего Комитета большевиками была проделана большая организационная работа среди рабочих, матросов и солдат. Лучшие наши ораторы, как Старостин, Воронский, Юдовский, Рузер то и дело выступая на митингах и собраниях, дискуссировали с с.-р. и меньшевиками, раз'ясняя наши партийные лозунги «Вся власть советам».

Особенно трудно поддавались большевистской обработке воинские части, где вначале силен был оборонческий дух. К тому-же с.-р. пускались на всякие провокации против большевиков, называя их немецкими шпионами, задавая ораторам-большевикам такие вот вопросы: — «Почему Ленин с группой большевиков приехал через Германию в заплом-

ПРИМЕЧАНИЕ. Указанный в выноске состав комитета является лишь комитетом городского района.

Демонстрация закончилась митингами по районам — на площадях.

После 1 мая Одесса постепенно стала расслаиваться по классовым группировкам, между которыми обострялась борьба, приведшая в конечном счете к вооруженным столкновениям и гражданской войне.

Если командный состав армии и флота — офицеры — 1-го Мая демонстрировали вместе с солдатами, матросами и казаками, то не потому что они все были рады первому свободному празднику труда и торжеству над свергнутым царизмом, большинство из них демонстрировало только для того, чтобы сохранить прежнее влияние на солдат и матросов и при первом удобном случае использовать воинские части для подавления революции. В этом мы убедились через несколько месяцев, когда старое офицерство стало организовывать контр-революцию под разными соусами: — Украинской рады, гайдамацких куреней, польских легионеров и тому подобных группировок.

КОНСТРУИРОВАНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

Будучи в Питере на 1-м Всероссийском Совещании Советов мне пришлось просить ЦК нашей партии послать в Одессу несколько человек для руководящей работы, и ЦК через некоторое время послал группу т.т., кроме того некоторые из т-щей возвратились из ссылок и фронта, вышли из тюрьмы, так что к июню 1917 г., когда на лицо оказалась солидная группа, мы устроили организационное собрание (при латышском клубе), на котором избрали организационное бюро в составе: — Заславского, Ачкановых Григория и Федора, Хмельницкого, Александра, Воронского, Зифельда, Земита и других.

После этого собрания организационное бюро стало собирать большевиков на собрания в училище Лигина, здесь-то и стала оформляться наша организация, но вначале она все еще как фракция входила в одну с.-д. организацию с меньшевиками. В руках меньшевиков была газета «Южный Рабочий» и партийная касса.

В июне было созвано общегородское собрание соц.-демократов в городской аудитории. К этому времени железнодорожный район и пересыпский уже целиком были большевистские, а в других районах тоже стали оформляться значительные группы большевиков. На общегородском собрании должны были произойти перевыборы городского Ко-м...

большевистский. Лидеры меньшевиков попытались было сорвать собрание, но это им не удалось и они демонстративно покинули собрание, а за ними ушла часть меньшевистской массы, рабочие-же остались.

На этом собрании был избран комитет большевиков в составе: — Ал. Хмельницкого, Воронского, Заславского, Рузера, Кристалловского, Ачканова Григория, Мизикевича, Земита, Зифельда, Гайсинского Мих., Старостина и Осипова. Председателем Комитета избрали Хмельницкого, секретарем Заславского*).

Таким образом, к новому Комитету должны были перейти все права старого; и на газету и на кассу, но меньшевики отказались передать газету и кассу и оставили при своей организации и деньги и газету.

Раскол одесской организации с.-д. значит оформился. Затем, на районных собраниях тоже произошло оформление большевистских организаций и меньшевики, теряя свое влияние, отошли в сторону. Комитет большевиков стал издавать свою газету «Голос пролетария», открыв широкую подписку и об'явив сборы на газету. Рабочие и солдаты откликнулись на этот призыв, и в редакцию «Голос пролетария» потекли обильные сборы, как от рабочих, так и от солдат. Главную работу в газете вели т.т. Воронский и Заславский. Для Комитета было нужно помещение. Городская Дума была кадетско-с.-р. меньшевистская — на нее стало быть, расчитывать нечего было. Тогда тов. Глебов-Дубровин с отрядом солдат авиопарка — реквизировал на Полицейской улице трактир, поставив военную охрану, предложил это помещение в распоряжение большевистского Комитета. Здесь был и партийный комитет и партийный клуб. С этого момента еще шире стала развиваться наша партийная работа.

Нужно отметить, что до избрания нашего Комитета большевиками была проделана большая организационная работа среди рабочих, матросов и солдат. Лучшие наши ораторы, как Старостин, Воронский, Юдовский, Рузер то и дело выступая на митингах и собраниях, дискуссировали с с.-р. и меньшевиками, раз'ясняя наши партийные лозунги «Вся власть советам».

Особенно трудно поддавались большевистской обработке воинские части, где вначале силен был оборончеcкий дух. К тому-же с.-р. пускались на всякие провокации против большевиков, называя их немецкими шпионами, задавая ораторам-большевикам такие вот вопросы: — «Почему Ленин с группой большевиков приехал через Германию в заплом-

*) По газ. „Голос Пролетария" № 1 от 6/VII, состав комитета следующий: Хмельницкий А., Заславский П., Кантор, Марголин, Лашевич, Спиридонов, Фукс и три кандидата. *Истпарт.*

бированном вагоне? Почему большевики требуют немедленного мира? Почему они призывают брататься?». Наши ораторы давали исчерпывающие ответы на все эти иезуитские вопросы и, благодаря этому, после каждого собрания количество сторонников большевиков, — увеличивалось. А после выхода нескольких номеров «Голоса пролетария», в кассу редакции стали стекаться большие денежные суммы от солдат и рабочих.

С этого момента началось усиленное расслоение классовых элементов: — рабочие и значительное количество воинских частей все больше и больше стали тяготеть к большевикам, а мелко-буржуазные и обывательские элементы хлынули к с.-. Те пред ними широко раскрыли двери своей партии, и партия с.-р. стала быстро расти за счет мелкой буржуазии и обывателей.

Меньшевики же стали терять своих сторонников, и влияние их, как среди рабочих, так и в Советах, с каждым днем все ослабевало.

Большая часть рабочих, бывших меньшевиков, отошли от них и вступили в партию большевиков. Другие-же оставаясь в партии меньшевиков формально, работали в Советах с нашими, проводя линию большевиков в своей работе. К таким рабочим можно отнести Хворостина, Боркуна и других.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ.

Секция Красной Гвардии постепенно разворачивала работу, вовлекая в свои ряды все большую массу рабочих. На крупных заводах были организованы десятки, а затем и сотни Красной Гвардии; так что с течением времени Секция Красной Гвардии, в том виде, в каком она была организована вначале, уж не могла удовлетворить задачам момента. Жизнь поставила в порядок дня вопрос оформления Красной Гвардии в самостоятельную организацию.

Секцию Исполкома Красной Гвардии составляли товарищи: — Кангун, Чижиков, Чижов, Володин, Слепов и Ачканов Григорий.

На секции было постановлено организовать клуб Красной Гвардии. Получить через Городскую Управу подходящее помещение в центре города было безнадежно. Меж тем, таким помещением мог стать дом Русова, на Торговой.

Однажды появились у этого дома вооруженные красногвардейцы, заняв его и оставив караул, они предложили живущим в этом доме, в определенный срок выселиться.

Постепенно дом Руссова — Клуб Красной Гвардии, — превратился в боевой центр вооруженного пролетариата, где рабочие, организованные в десятки и сотни, стали обучаться военному делу.

С организацией клуба Красная Гвардия Одессы стала быстрее развиваться и усиливаться. С развитием Красной Гвардии и организацией десятков и сотен по заводам и фабрикам, для более успешной ее организации явилась необходимость по районам также организовать районные центры Красной Гвардии, ввиде отделений, клуба Красной Гвардии — Районные клубы. Районные клубы Красной Гвардии были организованы на Пересыпи, Молдаванке, затем в Железнодорожном районе, при партийном Райкоме.

Красная Гвардия и в районах постепенно усиливаясь, как вооруженная сила, взяла на себя сперва обязанности защиты интересов, имущества и жизни рабочих.

Это имело значение, что уголовные элементы города, чувствуя силы Красной Гвардии, и зная ее цели, из рабочих районов перекочевывали в центр и в рабочих районах стало спокойнее, нежели в центре.

Районные клубы, являлись, таким образом, филиалами Центрального Клуба Красной Гвардии, и в дальнейшей своей организации стали Районными штабами Красной Гвардии, а клуб Красной Гвардии на Торговой улице — Центральным штабом Красной Гвардии и школой по подготовке руководителей Красной Гвардии.

Во-главе штаба Красной Гвардии стоял избранный клубом, Начальник Красной Гвардии, металлист — Чижиков и Начальник штаба тоже металлист — Кангун.

В штаб входили руководители районных штабов и некоторые сотники. Сотники и десятники тоже были рабочие, избранные в своих отрядах.

Распоряжения Штаба Красной Гвардии сотниками и десятниками проводились безукоснительно в жизнь, и дисциплина ими поддерживалась в полной мере, как в любой образцовой военной организации.

Красная Гвардия находилась при Совете Рабочих Депутатов. Штаб отчитывался перед Исполкомом Совета и его Президиумом. Но идейное руководство Красной Гвардией принадлежало Комитету большевиков.

Красная Гвардия, являясь беспартийной рабочей организацией, при своем оформлении чувствовала необходимость идейного руководства, и на одном из заседаний Штаба Красной Гвардии было постановлено — просить Комитет большевиков прикомандировать двух товарищей для идейного руководства. Такими руководителями явились Гр. Ачканов и Осипов, откомандированные в Штаб Красной Гвардии нашим Комитетом.

Для отличия красногвардейцев от остальной массы рабочих, Штабом Красной Гвардии были введены особые значки.

В состав Красной Гвардии сперва, по преимуществу поступала молодежь, но с развитием организации Красной Гвардии в нее стали вступать и пожилые рабочие и даже старики.

КОМИССИЯ ПО БОРЬБЕ СО СПЕКУЛЯЦИЕЙ.

Комиссия по борьбе со спекуляцией в виде Секции была организована при Совете, как революционная мера против спекулянтов. Во-главе этой комиссии стоял член Исполкома металлист — Шпиталенко.

Всем известно, что за империалистическую войну спекуляция не имела предела и эти хищники грабили и государство и население, а особенно трудящихся. А Одесса была одним из тех городов, где спекуляция наиболее пышно расцвела.

Спекулянты, не выпуская на рынок товаров, храня его в подвалах, пускали в продажу только накладные на часть этого товара. Накладная покупалась другим спекулянтом и вновь продавалась, но уже, разумеется, по повышенной цене и так она переходила из рук в руки и каждый спекулянт набрасывал на товар определенный процент. Эти спекулянты, понятно, били сильнее всего по рабочим и вообще, по трудящимся.

Комиссия по борьбе со спекуляцией стала вести борьбу, и довольно успешную, со спекулянтами.

Комиссия открыла массу складов, где еще с мирного времени были спрятаны всевозможные товары колониального и широкого потребления: чай, перец, сахар и т. д. Установив, что товар скрывался с целью спекуляции, Комиссия его реквизировала и направляла в кооперативы для снабжения рабочего населения.

Эта, чисто революционная мера, конечно, встретила противодействие со стороны Городской Думы, которая посылала милицию для освобождения реквизированных товаров. Но вооруженные красногвардейцы отстаивали меры, предпринятые Комиссией.

Комиссией по борьбе со спекуляцией также был разработан проэкт плана облавы на валютчиков, который при одобрении президиумами и был введен в жизнь. И вот, оцепив часть Екатерининской улицы и часть Ланжероновской, места, где находились кафе Робина, Фанкони и Печесского — биржа валютчиков, Комиссия устроила на них облаву, которая дала блестящие результаты.

РУМЧЕРОД.

Одесса являлась главной базой румынского фронта и главной базой транспортной флотилии Черноморского флота.

Для об'единения и руководства революционными организациями этих двух крупных воинских единиц, был созван фронтовой с'езд, который избрал Фронтовой Комитет, под названием «Румчерод».

В состав Румчерода входили представители от армий и частей Румынского фронта, от черноморского флота, от

Одесского гарнизона и от Одесских Советов Рабочих, Солдатских и Матросских Депутатов. По существу это был фронтовой комитет Румынского фронта.

В Севастополе был Центральный Комитет Черноморского флота — Центрофлот, который претендовал на руководство всех частей Черноморского флота и хотя его представители участвовали в Румчероде, но Центрофлот вел свою самостоятельную линию, независимую от Румчерод'а.

Одесские Советы Р.Д., С.Д., и М.Д., имея своих представителей в Румчерод'е проводили в городе свою самостоятельную политику, поддерживая добрососедские отношения с Румчерод'ом.

ГОРОДСКАЯ ДУМА.

Как я уже упомянул, Общественный Комитет был организацией временной; состоял, главным образом, из случайных представителей разных организаций, поэтому явилась необходимость избрать Городскую Думу на основе четырех-хвостки.

На выборах выступали: к.-д., с.-р., меньшевики, большевики и националистические группы.

Подготовка к выборам и избирательная кампания проходила в июне месяце, время расцвета эсеровской партии, когда мелкая буржуазия и, вообще, обывательщина, захваченная волной Февральской революции, валом валила к эсерам. Этот фактор и сказался на выборах.

С.-р. и меньшевики в перегонку с кадетами запугивали обывателей и мелкую буржуазию — большевистской опасностью. Дело было после Июльского выступления большевиков в Питере, когда Ленин был в подполье, а видные большевики питерской организации были арестованы и посажены в «Кресты».

В Одессе, хотя до ареста большевиков не дошло, но всякая грязь и провокация целыми ушатами выливалась на нас буржуазными партиями, начиная с меньшевиков, с.-р., к.-д. и кончая черной сотней.

На этом своеобразном, т.-е. помойном «фронте» об'единилась вся контр-революция. Конечно, в такой обстановке, большевики могли расчитывать на поддержку только революционных элементов рабочих.

Так как у с.-р. не хватало подходящих кандидатов для заполнения своего списка, то они были вынуждены его заполнить вступившими перед самыми выборами членами своей партии и в результате в списке эсэров оказались не только скороспелые социалисты, но и уголовные элементы.

Обывательщина с этим не считалась и голосовала в первую голову за с.-р., а затем за еврейский блок.

Таким образом, на первом месте оказались с.-р., на втором — еврейский блок, затем меньшевики, к.д., а на самом последнем месте — большевики.

Из большевиков прошли: Хмельницкий Ал., Рузер, Кристалловский и др. — всего около 7-ми челов.

Положение, созданное выборами в Городскую Думу, обострило отношения между новой Городской Думой и Советом Рабочих, Солдатских и Матросских Депутатов.

Советы становятся все левее и левее, и поэтому контакт между Думой и Советами становится все меньше и меньше.

Дума претендовала на гражданскую власть в городе.

Советы, не считаясь с этой претензией Думы, вели свою политику, противную Думе и в результате — неизбежные столкновения. С течением времени, эти столкновения учащались, Дума окончательно стала контр-революционной вокруг нее сосредоточились все контр-революционные группировки города.

В СОВЕТАХ.

Советы чем дальше, тем больше левели.

Выборы на 1-ый Всероссийский с'езд Советов, проходили самостоятельно в каждом Совете. Посланы были на с'езд т. т.: Старостин и Ермолин, который тогда называл себя интернационалистом.

От Совета Солдатских Депутатов и Матросских Депутатов были избраны с.-р. и меньшевики. На избирательном собрании Советов боролись с.-р. и мэньшевики, поддержанные другими контр-революционными группировками против большевиков.

Оборонцы делали всевозможные выпады против большевиков провокационного характера, и этими выпадами действовали на малосознательных солдат, участников собрания, взывая к патриотическим чувствам и т. д.

Тов. Старостин отбивался от нападков оборонцев и защищал платформу большевиков. Дебаты порой принимали очень острый характер, дело доходило до угроз со стороны с.-р. расправиться с большевиками, как с «немецкими шпионами» и, несмотря на все эти штуки, после длительных прений была принята платформа большевиков защищавшаяся тов. Старостиным.

Считаю нужным остановиться еще на таких вот случаях: первый случай — это приезд Керенского. По этому поводу было в цирке устроено собрание Советов с представителями партий. Керенский выступил с программной речью и, как актер всю свою речь строил в расчете на аплодисменты: с длительными паузами, выразительными жестами и т. д.

По существу речь его была чисто демагогическая, пустая, оно нападал на большевиков, мешающих ему, как премьер-министру организовывать победу над немцами.

С.-р. и меньшевики подпевали Керенскому, восхваляя Временное Правительство. От большевиков выступали: тов. Старостин, который в резкой форме критиковал Керенского. Обращаясь к Керенскому, он говорил: — «Господин, премьер-министр Керенский. Что вы сделали, чтобы прекратить, затеянную царским правительством Николая кровавую бойню? Что вы сделали и намерены сделать, чтобы миллионы рабочих и крестьян перестали голодать со своими семьями? Что вы сделали, господин премьер-министр, чтобы миллионы рабочих и крестьян могли заняться мирным трудом?»

«Вы, премьер-министр, требуете крови миллионов трудящихся в интересах иностранных капиталистов» и т. д.

Речь тов. Старостина произвела очень сильное впечатление, а от речи Керенского не осталось никакого впечатления или впечатление, которое остается от выходок клоуна.

Другой случай — это отношение эсеров и меньшевиков к нам после Июльского выступления большевиков в Питере. Устроив в Румчерод'е собрание членов Исполкомов всех советов и Румчерод'а для обсуждения текущего момента — докладчик-меньшевик, в своем докладе попытался изобразить нас предателями революции и предателями рабочего класса.

Еще свирепее напал на большевиков докладчик с.-р. Беспартийные-же члены собрания колебались.

Выступившие в прениях большевики: Хмельницкий, Старостин и друг. дали должный отпор эсерам и меньшевикам и, в результате, была принята незначительным большинством неопределенная резолюция, которая в бледных тонах осуждала большевиков.

Таким образом, чем дальше от мая и ближе к октябрю в Одессе все больше и больше нарушался гражданский мир, и обострялись противоречия между большевиками, с одной стороны, и мелкобуржуазными и буржуазными партиями, с другой стороны.

Вокруг большевиков стали группироваться все в большем количестве рабочие и солдатские массы.

Лозунги большевиков — «Вся власть советам», «Мир хижинам и война дворцам», «Немедленный мир и прекращение войны», становились все популярнее и популярнее в широких массах солдат и рабочих.

Можно смело сказать, что в это время число сторонников большевиков росло не по дням, а по часам. Тираж газеты большевиков «Голос пролетария» необычайно увеличился.

К слову сказать — после того, как большинство президиума стало большевистским, был изменен и состав редакционной коллегии «Одесских известий», в который вошли большевики.

С этого момента «Одесские известия» изменили свое направление, стали содержательнее и проводили линию боль-

шевиков, что часто вызывало протесты меньшевиков в Исполкоме. Эти протесты оставались безрезультатными.

Меж тем приближался Октябрь. Влияние большевиков росло, как на дрожжах растет тесто. Лепет меньшевиков и правых с.-р. становился все более и более невнятным, а влияние их в рабочих массах и среди солдат еще меньше. Все их призывы до победного конца становились все слабее и менее понятны широким массам трудящихся, и они медленно угасали.

II-ой С'ЕЗД СОВЕТОВ И ВЫБОРЫ ДЕЛЕГАТОВ ОТ ОДЕССЫ.

Приближался II С'езд Советов.

Для выборов на этот с'езд собрались в гарнизонном собрании Советы Раб., Солд., Матросск. и Крест. Депутатов. Произошла решительная борьба между всеми партиями, входившими в советы; каждая партия выступила со своей платформой, и советы обсуждали эти платформы.

Во время обсуждений меньшевики и правые с.-р., защищая платформу Центрального Исполнительного Комитета Советов Р. С. и Кр. Деп. договорились до однородного социалистического министерства.

Большевики-же при поддержке левых с.-р. отстаивали свою платформу: «Вся власть советам». Рядовые члены советов весьма горячо участвовали в обсуждении этих платформ и в своем громадном большинстве стали на платформу большевиков. Это и определило дальнейший ход собрания.

Меньшевики пытались опорочить большевистских кандидатов, но от избирателей получили решительный отпор, и в результате, на II Всероссийский с'езд избрали тех, которых выставили большевики и левые с.-р.

Избранными оказались от Совета Раб. Депутатов: большевики — Старостин П., Ачканов Федор и Кристалловский; Милованов—с.-р.; Боркун мен.-интер.; от Совета Солдатских Депутатов: левый с.-р. Лазарев, Трюх и Мошков (больш.). От Совета Матросских Депутатов — большевик Попов.

Таким образом, меньшевики и правые с.-р. провалились на этих выборах и уже больше с ними рабочие, солдатск. и матросские массы совершенно не считались и они совершенно утратили свое былое значение.

„УКРАИНЦЫ".

На арене политической жизни Одессы стала выявляться новая контр-революционная организация, филиал «Центральной Украинской Рады».

Местная «Украинская Рада», возглавляемая националистами украинцами — доктором Луценко и офицером Вер-

бицким, при участии меньшевика — украинского учителя Чеховского.

Украинцы стали вести пропаганду среди войск за роспуск «москалей» и за организацию чисто украинских частей — гайдамацких куреней.

Для осуществления своей задачи — создания вооруженной силы, украинцы стали поддерживать лозунг большевиков «самоопределение национальности вплоть до отделения», стараясь как можно скорей разложить полки Одесского гарнизона, которые в своем большинстве были настроены большевистски.

Поскольку пропаганда украинцев в некоторой своей части совпадала с пропагандой нашей партии, постолько при демобилизации старой армии, уроженцы не украинских губерней, самовольно покинув свои полки, стали раз'езжаться по домам.

Наконец, «Украинская Рада» стала организовывать — гайдамацкие курени — это были баталионы, составленные прежде всего из офицерского состава — без различия национальностей — и самых несознательных солдат и всяких авантюристских элементов.

Организованное таким образом «войско» было обряжено в новую форму — подобие старой запорожской формы: — синие широкие шаровары, синие жупаны. Многие ударясь в театральность, стали брить головы, оставляя «оселедец».

При организации этих украинских куреней было много всякой романтики. Оно бы ничего, если бы эти господа занимались только театральностью и романтикой, но плохо было то, что под прикрытием этой бутафории организовалась контр-революционная вооруженная сила, которая всасывала в себя все то, что было контр-революционным и ненавидило советы, а в первую голову — большевиков.

В августе украинские курени обосновались в лагерях под Одессой и, таким образом, как военная сила, проявляя свою самостоятельность, представляли угрозу Советам.

Румчерод, совместно со Штабом Одесского военного округа пытался отправить их на фронт. Советы, вообще, считали необходимым удалить эти курени из города.

Однако, гайдамаки (не желая, очевидно, пачкать свои красивые жупаны), отказались подчиниться приказу Штаба — отправиться на фронт; сама-же «Рада», хотя и считала себя патриотическо-оборонческой, все-же не выражала желания защитить границы Украины от наступающих немецких армий и в вопросе отправки на фронт гайдамацких куреней, оказывала пассивное сопротивление.

Для того, чтобы чувствовать себя более уверенной и прочной на Одесской почве, «Одесская Украинаская Рада» авансом усвоила «захватнические» приемы большевиков, ре-

шив перенести свою резиденцию в штаб военного округа, тем более, что во-главе ее стояли такие офицеры, как Вербицкий.

Перед этим украинцы налетом захватили Английский клуб. По этим приемам не только большевикам, но другим социалистическим организациям: меньшевикам и с.-р., стало ясно, что «Украинская Рада» со своими куренями не просто «украинская драматическая студия», нечто более опасное. Однако, организация нескольких гайдамацких куреней и захват штаба еще не решало кому в Одессе должна принадлежать власть.

Ведь, в Одессе, помимо украинских гайдамацких куреней и Украинской Рады, были рабочие, коммерческие моряки, а также военные части, не входящие в состав гайдамацких куреней.

Поэтому, помимо захватнических методов, Украинская Рада решила использовать и методы убеждения, пригласила с этой целью президиумы советов прислать своих представителей на заседание «Рады» в штаб.

Поведение «Украинской Рады» сильно беспокоило президиумы советов, но предпринять что-либо, что могло бы обуздать ее ретивость, Советы пока были не в состоянии и благодаря этому, положение с каждым днем осложнялось.

Все же президиумы Советов с информационной целью решили послать на это заседание по одному представителю: от Совета Рабочих Депутатов был послан Ачканов Григорий, а от Совета Солдатских Депутатов, кажется, тов. Гурьев — оба большевика.

В это время «Центральная Рада» из Киева прислала в Одессу своего комиссара полковника Поплавко, который должен был, по мнению «Центральной Рады», взять власть в Одессе в свои руки. И на заседании Одесской Рады Поплавко был представлен представителям Совета Раб. и Солдатск. Депутатов, как комиссар Одесского Военного Округа.

Чувствовалось, что у Рады нет уверенности, что Советы признают ее в качестве верховной власти Одессы.

Во время переговоров украинцы были весьма осторожны. Пытались внушить представителям Советов, что они являются настоящей властью и что, поэтому, Советам необходимо установить с ними деловой контакт; они вместе с тем, старались убедить нас, что «Центральная Рада» является властью на всей Украине.

Представитель Совета Рабочих Депутатов сделал заявление, что присутствует здесь лишь с информационной целью и, поэтому не уполномочен признать или не признать Украинскую Раду, пока не скажут свое слово 110.000 Одесских рабочих, избравших Совет Рабочих Депутатов, которые не имеют никакого представления, что из себя пред-

ставляет Украинская Рада, кого она поддерживает, какую проводит политику и с кем она — с рабочими или против рабочих.

Рабочие, — продолжая развивать свою мысль представитель Совета, — поддерживают Советы и лозунг «Вся власть советам». Так что, если Украинская Рада является тоже Советом и поддерживает тот же лозунг, то тогда, очевидно, у Совета Рабочих Депутатов может быть деловой контакт.

Это заявление вызвало много недовольных возгласов со стороны членов Рады и даже угроз по отношению представителя Совета Рабочих Депутатов. Но Чеховский постарался успокоить членов Рады, употребив для этого все влияние председателя Рады.

Заседание это ничем существенным не кончилось. И положение между Советом и Украинской Радой продолжало оставаться натянутым. Уже после Октябрьской революции украинцы настояли на перевыборах Совета Солдатских Депутатов и добились этого.

Новый Совет был переизбран и в состав его президиума вошло половина украинцев из Украинской Рады и гайдамацких куреней.

КАК ОТРАЗИЛАСЬ НА ОДЕССЕ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Когда делегаты II Всероссийского с'езда вернулись в Одессу, было созвано расширенное заседание всех Советов, в котором принимали участие и представители гайдамацких куреней.

На этом заседании с обширным докладом выступил тов. Старостин, доложивший о работах с'езда и о его главнейших постановлениях: — взять власть в руки Советов. Землю передать крестьянам, об'явить перемирие на всех фронтах и другие.

Обсуждение доклада Старостина вызвало оживленные прения, в которых голоса меньшевиков и правых с.-р. заглушались всей массой членов Советов.

Представители Украинской Рады пытались внушить Совету, что постановления С'езда для Украины не обязательны, что «Центральная Рада» совершенно независимая власть и что нам нужно подчиниться именно этой власти.

Однако, абсолютное большинство членов Советов высказалось за одобрение постановлений «С'езда Советов» и за передачу власти в Одессе Советам.

Проведение в жизнь постановления Советов, встретило сопротивление Украинской Рады, которая с помощью Центральной Украинской Рады стала мобилизовать военные силы, стягивая их в Одессе.

Наступил момент междувластия. Претендентов на власть было много: Украинская Рада, Советы, Городская Дума и Румчерод.

Благодаря этому создалось довольно неопределенное и неустойчивое положение.

Во избежание междоусобицы, было созвано совещание всех перечисленных выше организаций при Румчероде, на котором договорились образовать временный революционный комитет, под названием «Совета Десяти», на паритетных началах, пять от Румчерода и Советов и пять от Украинской Рады, под председательством тов. Юдовского. От советов вошли: Рузер, Орлов, Хмельницкий, Юдовский и еще один (фамилию которого не помню); от украинцев — Луценко, Поплавко, Чеховский и друг.

«Совет Десяти» оказался такой организацией, которая не смогла взять власть в свои руки, потому что представители Украинской Рады саботировали эту организацию; это с одной стороны, а с другой — Советы не верили в долговечность «Совета Десяти».

Резиденция «Совета Десяти» была в Румчероде. С первых же дней существования этого нового органа власти, чувствовалось, что он никого удовлетворить не может и на ряду с этим заметно было, что Украинская Рада готовится к захвату власти вооруженной силой. Гайдамаки держали себя вызывающе, стали понемногу пошаливать по городу и вызывающе держались с гражданами, а кое-кто из евреев оказался избитым гайдамаками.

Советы к «Совету Десяти» также относились, как к организации, не могущей расчитывать на поддержку рабочих масс.

Стянув к городу крупную воинскую силу, Рада пыталась сосредоточить ее вокруг Украинского Военного комиссара полковника Поплавко, вместе с тем, образовала при нем специальный комиссариат и комендатуру.

Советы по соглашению со штабом Одесского военного округа, назначили комендантом города тов. Гурьева — большевика, члена президиума Совета Солдатских Депутат.

Следующий шаг рады состоял в том, чтобы превратить комиссариат в комендатуру города. Создалось путанное положение: — Советы не признавали власти Рады, Рада не признавала власти «Совета Десяти» и Советов.

События наростали. В ответ на сосредоточение украинских сил, Советы усиленно готовили Красную Гвардию. Всюду на заводах и фабриках происходили тактические занятия красногвардейских десятков и сотен. Красногвардейцы были вооружены: — часть пятилинейными винтовками, часть берданками. Рабочие не расставались с оружием и с оружием ходили на работу и с работы.

В воздухе запахло порохом, гайдамаки стали держаться все более и более вызывающе, так что по некоторым улицам

вечером мирным гражданам становилось небезопасно появляться, «рискуя быть избитым или ограбленным гайдамацкой вольницей».

Благодаря этому, у Рады число сочувствующих убавлялось. Даже буржуазные элементы, которые ненавидели Советы и в начале сочувствовали организации гайдамацких куреней, видя в них угрозу Советам, теперь стали относиться к ним более враждебно нежели к Советам.

Одесса расслоилась — с одной стороны, рабочие и революционные солдатские и матросские массы, организованные вокруг Советов, —с другой стороны, гайдамацкие курени, липнувшие к Украинской Раде и комиссариату Поплавко, и с третьей стороны, буржуазные и мелкобуржуазные элементы, примыкавшие к Городской Думе.

1-ый РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ШТАБ.

Положение осложнялось с каждым днем: пошли слухи о подготовке вооруженного выступления гайдамацкими куренями. С своей стороны, президиум Рабочих и Румчерода решил образовать свой революционный штаб для руководства военными операциями. В Революционный Штаб вошли: Ачканов Григорий, от СРД, от Красной Гвардии Чижиков и Кангун, от Совета Солдатских Депутатов — Гурьев, от Совета Матросских Депутатов — матрос Скобелев и капитан II ранга — Власов и два представителя Румчерода — офицеры (фамилии забыл) меньшевик и с.-р.

Затем от Совета Рабочих Депутатов дополнительно был введен прибывший из Петрограда матрос — большевик Шерстобитов. Это было в конце Ноября.

На заседании революционного штаба выяснилось, согласно сведений разведки, имевшейся при Сов. Раб. Деп., что гайдамаки в первую очередь намерены захватить Воронцовский Дворец и клуб Красной Гвардии, как главные центры Советов и что ими поставлены усиленные караулы у арсенала.

При обсуждении вопроса в революционном штабе возникли разногласия. Тов. Кангун настаивал, чтобы не дожидаясь выступления гайдамаков, сейчас же начать выступление, призвав к вооруженному восстанию рабочих и моряков, предлагая немедленно отправить достаточно сильный отряд красногвардейцев, чтобы в эту же ночь захватить арсенал и поголовно вооружить рабочих.

Во время прений выяснилось, что Одесские рабочие еще недостаточно подготовлены, чтобы начать немедленно вооруженное восстание, не было также уверенности, что моряки, без достаточного повода со стороны гайдамаков, выступят по призыву революционного штаба.

На сторону Кангуна склонились Чижиков, Шерстобитов, Власов. Представители Румчерода категори-

чески высказались против вооруженного выступления, таким образом, голоса разделились и вопрос о немедленном вооруженном восстании рабочих и моряков не получил разрешения.

На следующий день представители Румчерода и Власов в штаб не явились.

Тов. Гурьева революционный штаб направил в штаб военного округа для выяснения состояния гайдамацких частей.

По дороге в штаб Гурьев был схвачен гайдамаками, которые подвергли его пыткам, угрожая расстрелять. Гайдамаки требовали от пленника сведений о составе и расположении красногвардейских частей. Продержали Гурьева около 2-х дней, а затем он от них вырвался и ушел.

Меж тем, наша разведка доставила нам сведения, что гайдамаки небольшими группами стягивают свои силы к Воронцовскому Дворцу, где был небольшой караул, разведка и революционный штаб.

Революционный штаб в составе: Шерстобитова, Ачканова, Скобелева и Гурьева, учтя неподготовленность рабочих масс, хорошую подготовку гайдамаков и их численное превосходство, а также то обстоятельство, что в их руках были арсенал и бронемашины и регулярные воинские части решил оставить Воронцовский дворец и предложить штабу Красной Гвардии оставить свой клуб.

Революционный штаб решено было перенести на крейсер «Алмаз», а Красную Гвардию стянуть в порт и на Пересыпь. Штаб Красной Гвардии был перенесен на завод адмиралтейства Р.О.П.Т. (теперь завод им. Марти).

Я же обходным путем направился в комитет большевиков, чтобы поставить его в известность о решении революционного штаба и через него немедленно поставить в известность районные комитеты партии.

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ГАЙДАМАКОВ.

Прошло несколько дней, город немного успокоился, и вдруг на рассвете 2-го декабря, гайдамаки заняв Канатную улицу, приготовились к наступлению.

Через некоторое время в городе появились отряды Красной Гвардии. Начальник ее штаба Кангун, — очень горячий парень, — немедленно на автомобиле выехал по направлению к Канатной, чтобы выяснить на месте положение дела.

Не успел он показаться, как в него из пулемета всадили больше десятка пуль, соскочив с автомобиля и пробежав несколько шагов, — он замертво упал.

В то же время на Вокзальной площади гайдамаки расстреляли несколько красногвардейцев.

Тысячи рабочих и матросов, сбежавшись в Воронцовский дворец с возгласами: — «За оружие», мигом расхватали несколько сот винтовок.

Моментально были организованы отряды из рабочих и матросов.

Однако, по распоряжению президиума Советов, вооруженным отрядам до особого распоряжения не разрешено было оставлять двор Воронцовского дворца.

В клубе Красной Гвардии, куда стянулись почти все сотни Красной Гвардии было созвано экстренное заседание президиумов Советов, которые решив заявить протест против расстрела гайдамаками красногвардейцев—предложили Украинской Раде немедленно убрать из города гайдамаков.

Это постановление президиумов Советов не могло успокоить красногвардейцев и они рвались в бой.

Украинская Рада, приняв это предложение, стала убирать из города гайдамаков. Для этого была образована паритетная комиссия, которая и прибыла в клуб Красной Гвардии.

Со стороны Совета Раб. Депутатов были тов. Рузер, а со стороны Украинской Рады доктор Луценко. Эта комиссия убеждала красногвардейцев успокоиться, не выступать, заявив, что гайдамаков убирают за город.

Целый день все были в возбужденном состоянии. Вечером, в Городской Думе было созвано об'единенное заседание Исполкомов Советов, совместно с Украинской Радой.

Это собрание, хотя и было собрано, как мирная конференция между Советами и Украинской Радой, но носило довольно бурный характер. Члены Исполкомов Советов нападали на предательское поведение Украинской Рады, а та, в свою очередь, вела себя довольно враждебно по отношению к Советам.

По поручению союза моряков было сделано заявление, что если Украинская Рада не уймет гайдамаков, то союз моряков не выпустит на берег ни одного фунта угля, ни одного фунта продовольствия и не перевезет на своих судах ни одного украинского солдата.

В конце-концов, договорились до образования нового «Совета десяти», по пяти с каждой стороны. В его состав от Совета Раб. Деп. вошли: Орлов — председатель, Ачканов Григорий, Хворостин, Вейсман от Красной Гвардии, пятого не помню, и пять от Украинской Рады.

Несмотря на кажущийся мир, положение не изменилось.

Началась более сложная политическая игра между Украинской Радой и Советами.

Так, стоявший в порту броненосец — «Синоп», команда которого принимала очень деятельное участие в работах Совета Матросских Депутатов и была вся революционна, открыто заявила свое недовольство поведением Украинской Рамы.

Вдруг получился приказ об отплытии броненосца «Синоп» в Севастополь.

Этот приказ встревожил и Советы, и Комитет большевиков, и рабочие масс. Президиумы Советов, обсудив этот во-

прос, постановили настаивать перед Центрофлотом об оставлении «Синоп'а» на Одесском рейде; для чего Ачканова Григория командировали в Центрофлот.

По приезде в Севастополь я в Центрофлоте поставил вопрос об оставлении броненосца «Синоп» в Одессе, сделав при этом подробный доклад о событиях в Одессе, о создавшихся отношениях между Украинской Радой и Советами, об угрозе гайдамацких куреней и вообще о настроении рабочих, военных и торговых моряков.

Центрофлот, под влиянием своего председателя, согласившись с моими доводами, отменил свой приказ и «Синоп» остался в Одесском порту.

Затем, мне пришлось выступить с информацией о положении в Одессе на общем собрании Севастопольского союза моряков, которое выразило свое сочувствие Одесским Советам и рабочим организациям.

Также пришлось выступить с внеочередным заявлением на заседании Севастопольского Совета Рабоч., Солд. и Матросских Депутатов.

Моя информация вызвала большое сочувствие со стороны всех рабочих депутатов и большей части матросских и солдатских; часть-же украинских шовинистов — членов Совета — подняла шум, но все же Совет выразил свое сочувствие Одесским Советам.

РАБОТА ПО РАЗЛОЖЕНИЮ ГАЙДАМАЦКИХ КУРЕНЕЙ.

Украинская Рада при организации гайдамацких куреней, стараясь их изолировать от политической жизни страны, вела среди гайдамаков шовинистическую пропаганду и не допускала к ним газет, ни большевистских, ни «Известий Одесского Совета Раб. и Солд. Депутатов».

Как я уже упомянул, когда гайдамаков хотели отправить на фронт, они отказались выполнить этот приказ. Этот факт констатировал не только то, что Украинская Рада не хотела выводить гайдамаков из Одессы, но и то что этим переряженным солдатам надоела война и что многие из них шли в гайдамацкие курени с целью избежать фронта. Поэтому это был все-таки подходящий материал для обработки большевиками.

Затруднение, однако, состояло в том, что у Комитета большевиков почти не было работников, говорящих по-украински. В конце-концов, такие нашлись и было решено направить их в гайдамацкие курени для агитации и разложения.

Наиболее видными из проведших большую работу по обработке гайдамаков были: матрос Кривошеин, солдат Скобло, рабочий Матяш и еще несколько человек матросов и солдат.

В течение трех недель гайдамаки были настолько распропагандированы, что стали сознавать свою общность интересов с рабочими и почему необходима Советская власть. Наступили рождественские праздники, и Украинская Рада использовала их по своему, — распорядившись выдать на каждого гайдамака по две бутылки вина. Это вино сыграло свою роль в том смысле, что подорванный агитацией большевиков, авторитет Украинской Рады был восстановлен и, значит, агитация пошла на-смарку. Благодаря этому, пришлось отложить еще на некоторое время взятие власти Советами и вновь начать ту же агитацию среди гайдамаков и вести ее до момента захвата власти. Через пару недель агитация вновь дала свои результаты и потерянное за праздники влияние вновь было восстановлено. Работа по разложению гайдамацких куреней продолжалась.

В „СОВЕТЕ ДЕСЯТИ".

Во втором — «Совете десяти» взаимоотношения у представителей Советов и Украинской Рады были глаже, чем в первом. Представители Украинской Рады принимали непосредственное участие в работе. Но они все были военными, людьми, только что начавшими общественную работу и беспартийными. Представители же Советов были люди партийные и все с большим революционным и общественным стажем. Поэтому, понятно, что на заседаниях «Совета десяти» при обсуждении вопросов представители Украинской Рады часто шли на поводу у представителей Советов, особенно когда разбирались общие вопросы.

Но если только вопрос касался взаимоотношения с Украинской Радой, они все единодушно выступали против представителей Советов. И все же этой ублюдочной организации приходилось решать целый ряд вопросов, касающихся интересов всех граждан, и тогда «Совет десяти» издавал свои распоряжения в качестве революционного Комитета.

Эти распоряжения касались, главным образом, охраны города и борьбы с бандитизмом. В распоряжении «Совета десяти» находилась охрана города, подчиненная коменданту города.

В виду того, что Красная Гвардия из рабочих районов изгнала бандитов, то они свою деятельность перенесли в центр города и предпринимали необычайно дерзкие налеты, используя для этой цели автомобили. «Совет десяти» издал распоряжение, запрещающее езду автомобилей после шести часов вечера, приказав охране города останавливать и расстреливать те автомобили, которые не будут иметь специальных пропусков.

Еще летом анархистом Р ы т о м был организован Совет безработных, в котором старались найти спасение или облегчение не только безработные рабочие и служащие, но и многие из тех, которые и раньше не искали работу, как проститутки и им подобные элементы.

Р ы т же видел во всех этих типах массу, способную бороться за анархизм.

Благодаря такому засорению совета безработных, безработные рабочие не смогли получить от совета безработных необходимой им помощи.

И вот, в средине декабря вдруг пред помещением «Совета десяти» появляется тысячная демонстрация безработных с требованием контрибуции с буржуазии в миллион рублей. Затем демонстрация двинулась по буржуазным кварталам города.

«Совет десяти» всполошившись созвал экстренное заседание с участием полковника П о п л а в к о, украинского комиссара. Украинская часть «Совета десяти» была очень напугана этой демонстрацией и присоединилась к Советской части «Совета десяти», которая предлагала поддержать требование безработных и потребовать от буржуазии немедленно внести миллион.

«Совет десяти» не расходился, а мне с тов. В а й с м а н о м поручили розыскать и привести в «Совет десяти» верхушку Одесской буржуазии.

Это был первый, вынужденный Советом безработных, революционный акт со стороны «Совета десяти».

Мы с тов. В а й с м а н о м на автомобиле поехали собирать верхушку Одесской буржуазии. Прежде всего приехали к А н а т р а, как самому крупному в Одессе фабриканту. Он очень любезно нас встретил и как только узнал о цели нашего приезда, немедленно согласился оказать помощь безработным в той сумме, которая падала на него, но заявил, что необходимо также вытащить в «Совет десяти» и банкира Х а и с а. Дав нам адреса остальных крупных буржуа Одессы, он любезно предложил нам для созыва их в «Совет десяти» свой телефон.

Мы по телефону стали звонить Х а и с у и другим буржуа, предлагая им прибыть немедленно в «Совет десяти». Они стали отказываться. Тогда им было заявлено, что, если они не желают прибыть добровольно, то через полчаса их приведут в «Совет десяти» под конвоем.

Такой разговор оказался более вразумительным, и буржуа дали согласие прибыть добровольно.

Наконец, весь цвет Одесской буржуазии прибыл в «Совет десяти», и им об'явлено было, что им подлежит внести миллион рублей в фонд совета безработных.

Они пытались было отвертеться, но посоветовавшись, подписали постановление о внесении 1.000.000 рублей в течение трех дней.

События развивались. Рядовые члены Украинской Рады — члены «Совета десяти», незаметно для самих себя часто голосовали за большевистские резолюции: жизнь их подталкивала влево, но это как раз шло вразрез с тем, чего добивалась Украинская Рада, как мелко-буржуазная и шовинистическая организация.

Припоминается и такой случай, связанный с работой «Совета десяти», но имевший чисто революционный характер. Союз металлистов, руководимый Старостиным заключал коллективный договор со всеми предприятиями металлообрабатывающей промышленности.

Фабриканты и заводчики отказались подписать этот договор. Тогда союз металлистов, об'явил своеобразную забастовку: совершенно неожиданно в восемь часов вечера — вдруг во всем городе потухло электричество.

Дежурный член «Совета десяти» позвонил на электрическую станцию: — «В чем дело, почему потух свет?» Ему ответили: — «Справьтесь в союзе металлистов». Позвонили в союз и тот ответил: — «Мы об'явили забастовку».

А время было очень тревожное, — налеты не прекращались.

Немедленно было созвано экстренное заседание «Совета десяти», на котором был приглашен и союз, но тот под предлогом — невозможности оставить без надзора электрическую станцию — отказался приехать.

И вот «Совет десяти» отправил меня и еще одного члена из украинцев делегатами в союз металлистов (он был на Пересыпи). Приехав туда, мы застали заседание Правления, которое обсуждало вопрос о забастовке, совместно с делегатами союза.

Приняв нас очень строго нам заявили, что ввиду отказа капиталистов подписать колдоговор, союз об'явил забастовку, которая будет длиться пока фабриканты не подпишут колдоговоров.

После нашего возвращения «Совет десяти» вызвал представителей и заводчиков и послали автомобиль за представителями союза металлистов.

На этом совместном заседании тов. Старостин — председатель союза металлистов, изложил суть требований союза. Капиталисты продолжали стоять на своем.

Положение осложнилось и «Совету десяти», пришлось вновь решиться на революционный шаг, — на принудительный арбитраж по отношению капиталистов.

Тов-ща же Старостина спросили: — «Если колдоговор будет подписан, то через сколько времени союз может дать свет?» — «Через три часа» — последовал ответ.

После небольшого обмена мнений «Совет десяти» постановил предложить заводчикам немедленно подписать колдоговор, на условиях предлагаемых союзом.

Это было вторичное посягательство «Совета десяти» на карман капиталистов, и украинцы пошли на эту большевист-

скую меру из боязни перед рабочими массами. Колдоговор был подписан и, действительно, через три часа в городе появился свет.

Таким образом, в Одессе противоречия между рабочими массами и капиталистами очень обострились. Недовольство рабочих росло, а с ними росло революционное сознание широких пролетарских масс.

Половинчатая шовинистическая политика Украинской Рады не могла удовлетворить ни рабочие, ни матросские массы.

И уже всем стало ясно, что вместо «Совета десяти» необходимо дать настоящую власть, которая удовлетворила-бы запросы широких рабочих, солдатских и матросских масс.

Положение в городе было довольно сложное. Охрана учреждений, почты, телефонной станции, банков, казначейства и арсенала находилась в руках гайдамаков.

На рейде стояло три крупных боевых судна: броненосцы «Синоп» и «Ростислав» и крейсер «Память Меркурия». На броненосцах развевались андреевский и красный флаг, а на крейсере «жевто-блакитный».

Матросы «Синоп'а» были на стороне Советов и рабочих, матросы «Ростислава» частью были на стороне Советов, а частью держались нейтрально.

Матросы «Память Меркурия» были на стороне Украинской Рады.

Работа по агитации и разложению гайдамаков давала положительные результаты.

Для подготовки вооруженного восстания, при штабе Красной Гвардии был организован новый широкий революционный штаб из представителей Комитета большевиков — Юдовского и Сергеева; Красной Гвардии — Чижикова и Вайсмана,—Советов, военных частей, поддерживавших Советы, торговых и военных моряков. В штаб также входил и тов. Кривошеин.

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ.

Момент восстания приближался. Оно началось с того, что 14 января 1918 г., революционный штаб, заменил на почте, телефонной станции и у банков гайдамацкие караулы своими.

При этой смене гайдамаки не оказали никакого сопротивления и почти добровольно оставили посты. Так, без боя, советские вооруженные силы заняли главные учреждения Одессы.

С этой смены караулов и началась гражданская война. Теперь представителям Советов в «Совете десяти» нечего было больше делать и они ушли в президиум Совета.

Так был ликвидирован «Совет десяти».

Спохватившись, Украинская Рада выслала в город броневики.

Революционный штаб выделил для руководства военными действиями оперативный штаб в составе: Юдовского, Лазарева, Гурьева, Холопова, Ачканова Г. и Сергеева. Оперативный штаб, приступив к подсчету вооруженных сил обоих сторон, выяснил, что у Украинской Рады имеются гайдамацкие курени, пехота, артиллерия, броневые машины, в их руках также арсенал, два юнкерских училища и крейсер «Память Меркурия».

Советы располагали красногвардейцами, вооруженными частью винтовками, частью берданками, общее число которых доходило до 2.000, торговыми моряками, «Синопом», отчасти «Ростиславом» и «Алмазом».

Яснее ясного было, что в военном отношении превосходство на стороне Украинской Рады, но сочувствие широких рабочих масс и революционный энтузиазм будет за нами.

Гайдамаки открыли военные действия, обстреляв из броневика на Николаевском бульваре красногвардейцев. На улицах также началась перестрелка.

Затем, гайдамацкий броневик, обстреляв матросов на Полицейской улице, стал обстреливать телефонную станцию.

Послав подкрепление, мы приказали комиссару станции выключить все частные телефоны, оставив только районные и боевые участки.

Той порой матросы штурмом взяли броневик.

Затем, без боя нашими силами был занят склад Румынского фронта и благодаря этому в распоряжение нашего оперативного штаба поступили огромные запасы оружия.

Тотчас-же были мобилизованы грузовики для доставки в клуб Краснойй гвардии оружия и боевых припасов.

Началось массовое вооружение рабочих, которые тут-же организовывались в отдельные отряды и отправлялись на фронт.

Требования на оружие стали поступать из районных штабов, а также от железно-дорожников и моряков, и грузовики с трудом успевали удовлетворять требования этих организаций.

Таким образом весь день прошел в вооружении рабочих и матросских масс, и в небольших боях с гайдамаками. К концу дня от гайдамаков была очищена часть города, начиная от Николаевского бульвара до Полицейской улицы.

Необходимо указать и то, что из деревень в клуб Красной гвардии приходили много парней с просьбой дать им оружие и отправить их вместе с рабочими против гайдамаков. Их вооружали и отправляли.

При столкновении на бульваре и возле телефонной станции, где с гайдамаками сражались и матросы с «Ростислава», некоторые из них оказались ранеными и убитыми.

Это обстоятельство подействовало и на «нейтральных» ростиславцев и они все целиком присоединились к нашим частям.

С своей стороны и железно-дорожники прилагали все усилия, чтобы спешно отремонтировать находящийся в железнодорожных мастерских бронепоезд.

Город в первый день вооруженного восстания разделился на две части: — порт, Пересыпь, Слободка, Молдаванка, Ближние и Дальние Мельницы и часть города от порта до Полицейской улицы были в руках рабочих и матросов; Александровский парк и вся часть города от Полицейской улицы до Средне-Фонтанской и Больше-Фонтанской дорог — были в руках гайдамаков и юнкеров.

На Пересыпи центром и штабом служил союз металлистов и все руководство находилось в руках тов. Старостина.

В Портовом районе центром был — союз моряков (на Деволановской улице в Карантине, под Александровским парком), руководимый председателем союза моряков тов. Чернявским.

В Железнодорожном районе — руководил Железнодорожный Комитет в составе: Кристалловского, Мизикевича, Забудкина, Захарьева и др.

Таким образом все районы, за исключением Александровского и Городского, находились в руках советов и восставших матросов и рабочих.

К вечеру — юнкера, заняв Александровский парк, установили за парком батареи.

За первый день советскими вооруженными частями были отбиты у гайдамаков два броневых автомобиля.

После этих боевых эпизодов с гайдамацкими броневиками, уже гайдамацкие броневики не появлялись в той части города, которая была занята красной гвардией и матросами.

Ночью были небольшие перестрелки, которые давали знать, что фронт не спит и что обе стороны бдительно охраняют занятую ими линию фронта.

Второй день боя был более ожесточенным. Советские части постепенно оттесняли гайдамацкие и юнкерские, все дальше и дальше занимая улицы параллельные Дерибасовской.

Бои же развивались, главным образом, по Канатной Пушкинской, Ришельевской, Екатерининской, Александровскому проспекту, Преображенской и отчасти Новорыбной со стороны Старо-Портофранковской.

В этот день уже на фронт подвозились боевые припасы на автомобилях и фронт планомерно пополнялся новыми отрядами из районов и клуба Красной гвардии.

Но вот, оперативный штаб получил сведения, что с Румынского фронта едет на заградителе «Ксения» рота пехотного полка в полном боевом порядке, вызванная в Одессу Советом Солдатских Депутатов и Румчеродом.

Для выяснения настроения этой роты оперативный штаб отправил своих представителей на заградитель «Ксения». Она оказалась большевистски настроенной. В этот-же день она была выгружена и поставлена на отдых в дом против клуба Красной Гвардии.

На второй день боя советские части оттеснили гайдамаков до Б.-Арнаутской улицы; моряки же к вечеру несколько оттеснили их от главной аллеи Александровского парка, и к этому моменту выяснилось, что победа склоняется на сторону Советов.

Оперативный штаб решил на рассвете третьего дня предпринять решительное наступление по всему фронту, а также пустить прибывшую с румынского фронта роту, чтобы предупредить возможный обстрел с тыла с крейсера «Память Меркурия», «Синоп» и «Ростислав», предложили команде этого крейсера спустить украинский флаг и раз навсегда заявить или свою нейтральность или солидарность с Советами.

Кроме того, от «Памяти Меркурия» потребовали два вагона винтовок, которые находились на палубе крейсера.

При неисполнении этого требования «Синоп» и «Ростислав» заявили, что в любой момент могут открыть по крейсеру огонь.

После длительных уговоров и убеждений «Память Меркурия», выдал винтовки и патроны, спустил украинский флаг и заявил себя нейтральным.

Это было большим достижением в обеспечение победы советов над гайдамаками и юнкерами.

Винтовками с «Память Меркурия» вооружились торговые моряки и приготовились к наступлению на юнкеров в Александровском парке.

В ту же ночь со второго на третий день боя, моряки начали наступление на юнкеров, занимавших Александровский парк.

Бой длился всю ночь и к утру парк от юнкеров был очищен.

Утром третьего дня красногвардейцы и рота, прибывшая с Румынского фронта, повели наступление по Екатерининской, Преображенской, Ришельевской, Пушкинской, Ремесленной и Канатной улицам.

Для прикрытия наступающих цепей, в начале Пушкинской и Ришельевской улиц были установлены трех-дюймовые, полевые пушки. Гайдамаки, приготовляясь к обо-

роне, установили много пулеметов на вокзале Одесса-Главная, колокольне Ильинского монастыря, на крышах домов по Новорыбной улице, на углах всех пересекающих ее улиц. А также на Куликовом поле, кроме пулеметов, было выставлено несколько батарей, а юнкерами были выставлены батареи и пулеметы на Французском и Итальянском бульварах.

Завязался сильный бой, с обоих сторон непрерывно трещали пулеметы и винтовки и, несмотря на упорное сопротивление гайдамаков и юнкеров, их все-же постепенно теснили, выбивая из позиций, а к обеду местами оттеснили до Мало-Арнаутской и Новорыбной улиц. Одновременно гайдамаки пустили в ход артиллерию и стали бить по нашим цепям.

Тогда крейсеру «Алмаз», штабу морских сил было предложено открыть по гайдамацким и юнкерским баттареям огонь.

Привести этот приказ в исполнение было не так-то легко. Стрелять приходилось по невидимой цели, да еще перекидным огнем через город.

И все-же около 4 часов дня грянул первый выстрел с кормовой башни броненосца «Ростислав», который сразу воодушевил матросов, солдат и красногвардейцев.

За первым выстрелом последовал второй, третий, четвертый. Снаряды тяжелых орудий ложились у гайдамацких батарей, производя соответствующее впечатление на гайдамаков. К этому приблизительно времени, железнодорожники ввели в бой бронепоезд, который подошел почти вплотную к самым куреням и стал стрелять по ним прямо в упор.

Огонь морских орудий и бронепоезда ободрил советские части, которые перейдя в решительное наступление, выбили гайдамаков за город.

Захватили штаб военного округа, где был главный штаб гайдамацких и юнкерских частей.

Затем выбили юнкеров с Итальянского бульвара и взяли с боя оба юнкерские училища. Часов в 7—8 вечера гайдамаки через железнодорожников попросили перемирия и принятия Революционным Штабом делегации от гайдамацких куреней.

Согласившись принять делегацию, Оперативный штаб отдал распоряжение, оставаясь на позициях, приостановить артиллерийский огонь. Делегация прибыв в клуб Красной Гвардии, предложила прекратить бой, выставила условия мира, чтобы за ними сохранились те же самые права, которыми они обладали до вооруженного восстания.

Переговоры ни к чему не привели. Революционный штаб приказал возобновить бой.

Опять заговорили морские орудия, но еще с большей силой, чем раньше.

Бронепоезд также вновь был пущен в бой.

К одинадцати часам ночи гайдамаки заявили, что они прекращают бой, сдаются и просят прекратить обстрел куреней. Советы оказались победителями.

Интересно отметить поведение либералов из Союза городов во время борьбы советов с Украинской Радой.

Когда к концу второго дня победа стала склоняться на сторону советов, и одна за другой улицы города очищались от гайдамаков, то в это время в революционный штаб явилась делегация от Союза городов с повязками Красного Креста на рукавах и обратилась с просьбой прекратить бой, так как от этого страдают мирные жители. Тут же они предложили свое посредничество для переговоров с Украинской Радой.

Революционный штаб отверг предложение представителей Союза городов, предложив им не вмешиваться в борьбу.

Вслед за прекращением боев, под руководством комиссии по борьбе с контр-революцией, имевшейся при Президиуме Советов, начались обыски и аресты видных офицеров и других активных участников борьбы с Советами.

Конечно, при обысках не обошлось и без недоразумений и использования момента уголовными элементами, которые, врываясь в квартиры буржуазии под видом красногвардейцев якобы для производства обыска, предавались необузданному грабежу.

Чтобы прекратить эти безобразия, Революционный штаб издал распоряжение, запрещающее производство обысков и арестов без его, Революционного Штаба, мандата; за нарушение этого распоряжения следовал расстрел.

Восстание окончилось победоносно и жизнь требовала новой революционной власти.

Для ее организации было созвано, под руководством комитета большевиков, заседание Исполкомов Советов Раб., Солд. и Матросских Депутатов совместно с Революционным Штабом (большинство членов Революционного Штаба в то же время были и членами Исполкомов).

На этом заседании было образовано Одесское советское правительство под председательством тов. Юдовского, в составе: комиссара труда — Петра Старостина, комиссара финансов — Рузера, здравоохранения — Жвива Макара, торговли — Орлова, юстиции — Хмельницкого Александра, почт и телеграфа — Ачканова Григория, просвещения — Зифельд; фамилии комиссара иностранных дел и друг. не помню.

В связи с формированием Одесского правительства пришлось произвести изменение в составе Президиума Совета Рабочих Депутатов, председателем которого был избран тов. Воронский.

Советы взяли власть в свои руки в самое тяжелое время для Одессы, как в экономическом отношении, так и в финансовом.

На Украине, в других крупных городах, также в это время велась борьба с Центральной Украинской Радой, которая чинила всяческие каверзы, нарушая железнодорожное сообщение с Петроградом и Москвой; тоже самое делала с телеграфом и почтой. Благодаря этому сильно осложнялось налаживание новой советской власти и в Одессе.

ПОХОРОНЫ БОРЦОВ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ.

Вооруженное восстание, продолжавшееся в продолжении трех дней и ночей, где шли ожесточенные бои, дало очень много раненых и убитых.

Явилась потребность похоронить павших за советскую власть товарищей соответствующим образом.

Проводы были устроены с должной торжественностью; можно сказать, что Одесса еще не видела такой траурной манифестации за все время своего существования. Провожать убитых товарищей вышла вся рабочая масса, моряки и солдаты.

Братские могилы приготовили на Куликовом поле. Красная Гвардия в процессии шествовала в боевом порядке, моряки тоже были все вооружены. Чувствовалось, что хотя первые бои и кончились, но оружия выпускать из рук еще не следует.

Гробы, их было — сотни — несли на руках.

Процессия произвела на всех необыкновенное впечатление. По Пушкинской улице от Дерибасовской — до Куликова поля сплошь колыхались гробы, овеянные алыми и черными знаменами.

Когда же спускали тела убитых в братские могилы — раздался салют из винтовок и все красногвардейцы, направив винтовки кверху, открыв стрельбу, салютовали своим товарищам. Над могилой павших борцов зареяло три боевых аэроплана.

Опустили гробы в могилы, оркестры исполнили похоронный марш и стала медленно расходиться с Куликова поля головная часть траурной процессии, а на их место шли новые и новые колонны и так до самого вечера проходили мимо свежих могил борцов за власть Советов.

Последний долг первым жертвам Октябрьской революции в Одессе был отдан, а впереди предстояла новая борьба и новые жертвы за власть рабочих и крестьян.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В ОДЕССЕ.

Взявшие власть в свои руки Советы, вместе с ней возложили на себя и тяжелое бремя ответственности перед широкими рабочими массами.

Буржуазия, как везде, и в Одессе всячески саботировала советскую власть и старалась всеми способами осложнять и без того тяжелое положение.

Промышленность не была вначале национализирована, за исключением морского транспорта, о котором скажем ниже.

Оставаясь хозяева фабрик и заводов, буржуазия искусственно задерживала выплату зарплаты под предлогом невозможности получить необходимых финансовых средств из банков.

Подкрепления денежных средств из Петрограда нельзя было получить потому, что Центральная Украинская Рада всеми способами препятствовала связи Одессы с Петроградом и Москвой.

Все эти обстоятельства препятствовали планомерной работе советских учреждений. Нервировали рабочих и служащих.

Помимо этого бежавшие из Одессы офицеры, часть гайдамаков, юнкера и другие контр-революционные элементы в районе ст. Жмеринки стали организовывать контр-революционные части и готовить наступление на Одессу.

Меньшевики и правые с.-р. вели контр-революционную работу в самом городе, агитируя рабочих и служащих пред'явить ряд требований к советской власти экономического характера, требований выдачи зарплаты.

Центральная Рада науськивала на нас, вела переговоры с немецкими и австрийскими империалистами.

С Румынского фронта шли сведения, что командующий фронтом генерал Щербачев направляет на Одессу войска.

Конечно, при такой обстановке думать о мирном строительстве не приходилось. Требовалось принять меры для обезвреживания буржуазии.

Одной из таких мер явилось — закрытие всех буржуазных газет и меньшевистского «Южного Рабочего», который на своих страницах вел самую отчаянную контр-революционную пропаганду.

А за сим, когда Старостин стал председателем Совнаркома, он приступил к борьбе со злостно-саботирующими владельцами фабрик и заводов, отправляя их в комиссию по борьбе с контр-революцией, которая заседала на крейсере «Алмаз». Там кой-кого из буржуа и злостных контр-революционеров списали «в расход».

Театральная «Одесса» на это реагировала куплетом песенкой «Яблочко» — «Ой яблочко, куда котишься, на «Алмаз» попадешь не воротишься». Такие случаи, впрочем, были очень редки. И все-же про «Алмаз» среди обывателей ходили разные небылицы.

Несмотря, однако, на репрессии, финансовое положение города становилось все тяжелее и тяжелее.

Между прочим, меньшевики и правые с.-р. стали распускать слухи, что большевики не выдают денег потому,

что собираясь бежать из Одессы, решили захватить с собой все деньги из Госбанка.

Эта провокационная агитация имела последствием то, что часть рабочих разных предприятий явилась вооруженными в Госбанк, требуя показать им где деньги и почему их не хотят выдать.

Тов. Старостин, пользовавшийся среди рабочих огромной популярностью, стал раз'яснять пришедшим финансовое положение города, но и авторитет Старостина на этот раз не помог. Рабочие настаивали на своем. Тогда Старостин предложил выделить делегацию, с которой обещал осмотреть все кладовые Госбанка. Делегация тут же была выделена, осмотрев совместно со Старостиным кладовые банка, убедилась в его правоте. Делегация сообщила об этом всем собравшимся рабочим, которые спокойно разошлись.

Так провокация меньшевиков и правых с.-р. сорвалась и не дала желательных для них результатов. Но все же увеличила нервное настроение некоторых рабочих групп.

Было также осложнение с морским транспортом. Так, только как кончились бои, то вместе с другими офицерами разбежался и штаб транспортной флотилии, возглавляемый адмиралом Хоменко. Тогда союз моряков поставил вопрос о взятии морского транспорта в свои руки.

После длительного совещания и в Комитете Моряков, и в Исполкоме, вопрос получил благоприятное разрешение, и таким образом, одна из главных отраслей народного хозяйства, по инициативе самих рабочих, была взята в руки рабочих и полностью находилась в ведении советской власти, хотя среди торговых моряков в то время были довольно сильные анархистские настроения.

На железной дороге — в Одесском узле — дело обстояло несколько проще, так как Юго-Западная дорога находилась в руках государства. На железной дороге еще до вооруженного восстания «революционный железно-дорожный комитет» являлся фактической властью, заменив собой начальника Одесского Отделения или, вернее сказать, командовал им.

Благодаря такому положению при упрочнении Советской власти, Революционный Железнодорожный Комитет, установив нормальные отношения с Одесским Совнаркомом, остался во главе управления железной дорогой.

Борьба на Украине не прекращалась. Центральная Рада, изгнанная из Киева и других крупных городов Украины, не хотела сдаваться Советам и обратилась за помощью к немецким и австрийским империалистам.

Одесса первая приняла на себя удар союза гайдамаков с немцами и австрийцами. Получились сведения, что на

нас со стороны польской границы идут гайдамаки (первое время о немецких и австрийских войсках сведений не было).

Мы стали готовиться к отпору. Командующим Одесским фронтом был назначен тов. Лазарев.

На помощь нам стали прибывать из других южных городов отряды рабочих-красногвардейцев, а из Севастополя матросы. Все эти отряды совместно с нашими частями были отправлены на фронт.

Первый бой наши части приняли недалеко от Жмеринки и тут-же наткнулись на немецкую дивизию, которая наступала вслед за гайдамаками.

Наш авангард, приняв бой, был почти целиком уничтожен немцами, 70% осталось на месте убитыми и ранеными, остальные стали отступать к Одессе, задерживая насколько было возможно немецко-австрийское войско.

Узнав о случившимся, Одесский Совнарком, придя к выводу, что сражаться с немецко-австрийском войском сейчас нам не по силам, решил эвакуировать Одессу; в то же время задерживать наступление врага, который вел наступление по железно-дорожной линии. Сдерживали наступление наши части иногда переходили в контр-наступление, но красногвардейцы могли хорошо сражаться в городе, а к полевой войне были недостаточно подготовлены и поэтому расчитывать на серьезное сопротивление и надолго задержать наступление немцев не приходилось.

ЭВАКУАЦИЯ ОДЕССЫ.

Эвакуационная Комиссия, состоявшая из т. т. Воронского, Гр. Ачканова, С. Г. Лашевич и друг., руководствуясь директивами, данными ей Одесским Совнаркомом, разработав детально план эвакуации города, тотчас же приступила к своей работе. Сначала было вывезено военное снаряжение, оружие, обмундирование и т. п. Затем — во вторую очередь, Эвакуационная комиссия приступила к отправке менее важного в военном отношении имущества.

Вместе с тем комиссия установила непосредственную связь и согласованность своих действий, как со Штабом Командующего фронтом тов. Лазарева, так и со штабом Одесского военного округа.

Эвакуация шла двояким образом: частью по железной дороге, но главным образом морским путем, ибо по железной дороге из-за недостатка вагонов можно было эвакуировать лишь весьма ограниченное количество грузов.

В порту же, как раз к этому моменту, скопилось большое количество пароходов, парусников, барж, а на море был шторм.

Мне лично пришлось в течение суток произвести осмотр всего флота и выяснить, какие суда могут итти своим хо-

дом, какие нуждаются в буксире, каике могут буксировать, сколько запаса угля в транспортах, какие суда отправлять в первую очередь, какие поставить под груз и какие оставить для посадки армии, рабочих и всего советского аппарата, а главое заставить моряков работать день и ночь, чтобы успеть отправить все суда во-время, во-время нагрузить уголь, потому что среди части грузчиков не было достаточно революционного под'ема.

А тут, в комиссию поступали заявления от учреждений и воинских частей о предоставлении им отдельных пароходов и каждое учреждение требовало именно его груз отправить в первую очередь. Эвакуационная комиссия категорически отказала в предоставлении отдельных пароходов, а, затребовав сведения о наличии грузов, людей и скота, разбила это все подлежащее эвакуации по степени важности, — указав учреждениям, на какие пароходы те должны грузить грузы и людей. Наиболее крупные суда, приспособленные для дессантных операций были оставлены под боевые части, находящиеся на фронте и несущие охрану.

Моряки работали с под'емом и сознанием революционного долга.

Комитет союза моряков оказывал все свое влияние на моряков, чтобы выполнить долг перед революцией. Дело кипело. Прежде всего освобождали порт от судов, нуждающихся в буксировке: их отправляли в Херсон, Николаев, к концу эвакуации отправили к Очакову с тем, чтобы после буксировать дальше. Погруженным пароходам давали на буксир пароходы, неспособные итти своим ходом и направляли их на Севастополь вдоль Тендровской косы.

Суда, приготовленные к посадке войск и советских работников, нужно было держать в готовности, но ограниченное количество угля принуждало не держать котлы под паром, а иметь суточную готовность. Штаб фронта не мог точно определить день эвакуации советских войск и этим ставил эвакуационную комиссию в очень затруднительное положение: — ей самой приходилось определять последний день эвакуации и готовить суда к отходу.

А у моряков, почти у всех, в городе были семьи и за сутки до отхода их нужно было всех держать на судах, наконец, самое трудное заключалось в том, что требовалось боевые части распределить по отдельным судам, чтобы в критический момент не получилось замешательства.

Но вот раздались три орудийных выстрела, условленный сигнал к начатию посадки войск и рабочих на суда и суда стали по очереди выходить из порта.

Эвакуация шла довольно успешно, порт освобождался все больше от судов и постепенно опустел.

Железнодорожники по линии Одесса — Колосовка — Николаев также отправляли один за другим поезда с военным

грузом, а затем поезда с эвакуировавшимися железнодорожниками и воинскими частями.

Уже в самую последнюю минуту на улицах города появились контр-революционные отряды польских лигионеров, еврейские сионистские дружины, которые стали нападать на отступающих и совместно с уголовными стали грабить оставленное советскими частями обмундирование и вообще все, что попадало под руку.

Для прикрытия эвакуации неподалеку от Одессы стояли два броненосца «Ростислав» на Одесском большом рейде и «Синоп» у Большого Фонтана.

— «Когда началась погрузка военных частей, державших фронт согласно установленному расписанию на транспорт, я — как комиссар почты и телеграфа около 9 часов вечера отправился в почтамт снять комиссаров и забрать в порт наших людей.

В последние два дня, из-за усиленной работы, я утерял связь со своим комиссариатом и поэтому не знал в каком положении он находится.

С внешней стороны ничто не предвещало, что почта уже занята польскими лигионерами и ничего не подозревая я войдя во внутрь здания направился к лестнице, ведущей в помещение, как вдруг услышал: — «Что Вам угодно? — «Я комиссар почты и телеграфа — Ачканов» — «пожалуйте» — учтиво последовал ответ и тот кто меня спрашивал, одетый в шинель, пошел за мной.

Когда я вошел в комнату телеграфа, то увидел устремленные на меня вопросительные взгляды телеграфистов и тогда только сообразил, что здесь что-то не ладно.

Ко мне подскочил какой-то офицер; взяв под козырек, он доложил, что поставил охрану ввиду того, что комиссар телеграфа Павлов хотел взорвать распределительную доску. Теперь я понял, что сам пришел прямо в лапы контрреволюции.

Затем к офицеру подбежал тот, который следовал за мной по лестнице и сказал — «он один».

Этот-же офицер заявил мне тогда, что я арестован и потребовал сдачи оружия.

Уйти было невозможно, пришлось отдать наган. Через несколько минут меня под конвоем отправили в штаб контрреволюции, который помещался в гимназии на Херсонской улице угол Конной.

Меня сопровождали два вооруженных винтовками человека. По дороге один из них все отставал и брался за затвор, точно намереваясь выстрелить мне в спину.

Я тоже отставал, равняясь плечо к плечу. Он ругался: — «Что отстаешь, иди вперед. Небось, раньше как бегал, а теперь отстаешь».

Другой конвоир уговаривал первого: — «Брось, приведем в штаб, там знают, что с ним делать». Привели меня в эту гимназию, там в классах стояли койки. На койках сидели с винтовками наготове солдаты и штатские.

Среди них я видел много знакомых с.-р. членов Советов Солдатских и крестьянских депутатов. Некоторые из них заискивающе обращаясь ко мне предлагали: «Тов. Ачканов, не желаете-ли чашку чая?» Чувствуя жажду и голод, я с удовольствием выпил чашку горячего чая.

Через полчаса меня отправили опять под конвоем в Херсонский участок.

В участке дежурный комиссар милиции принял у меня мои документы, часы и оружие, и согласно приказа из штаба контр-революции, посадил меня в одиночку.

Я осмотрел запоры и решетки, все было крепко. Лег спать и моментально заснул. Проснулся я ночью — часа в два, когда загремели запоры и ко мне в камеру втолкнули двух человек. Один из них оказался членом Исполкома Совета Солдатских Депутатов (фамилию не помню), второй — мариупольский рабочий красногвардеец — оба ночью были захвачены контр-революцией, когда отступали с фронта. Через час к нам в камеру втолкнули еще шесть человек артиллеристов, которые, отступая с фронта на Херсонской улице немного отстали от своей батареи, так что к утру камера оказалась сплошь забитой арестованными членами советов, красногвардейцами и солдатами. Стали обсуждать о возможности побега. Из плана, однако, ничего не вышло. В три часа дня всех арестованных выпустили во двор на прогулку. Один из арестованных Бобков предложил одному из конвойных милиционеров 80 рублей, чтобы тот пропустил его через пожарную часть на волю. С Бобковым, когда он уходил, я условился, чтобы он о нашем аресте сообщил тов. Кондренко — комиссару военного флота Одесского рейда на броненосец «Ростислав», чтобы тот предпринял шаги для нашего освобождения.

Когда Бобков скрылся, я, осмотревшись увидел несколько женщин живших при участке — жен пожарных; вспомнил, что машинист пожарной части участка тов. Медведенко тоже живет здесь.

Женщины посмотрели с сожалением на гуляющих по двору арестованных и ушли.

Тогда, когда арестованных стали загонять в камеры, я, улучив удобную минутку, незаметно для милиционеров шмыгнул в ту дверь, где были женщины. Постучав, я спросил: «Где тут живет Медведенко?». Мне указали. Войдя в его квартиру и увидев его жену, я спросил: — «Где Медведенко?» Она ответила, что он пошел посмотреть, как немцы вступают в город. Коротко сообщив кто я, как попал сюда, я попросил разрешить мне постоять у нее в комнате ¼ часа, пока на дворе кончат розыски бежавших.

Она сперва растерялась, а затем согласилась. На тот случай, если бы милиционеры стали искать в квартирах служащих — я, взяв кружку с водой и став у дверей, сказал ей, что если милиционеры явятся сюда, то она должна сказать, что меня совершенно не знает, а разрешила мне только напиться воды.

Я стоял у дверей, а она смотрела в окно. Милиционеры моего отсутствия очевидно не заметили, но заметив отсутствие Бобкова, минут 5—10 пошарив по двору, успокоились. Тогда жена тов. Медведенко предложила мне обождать прихода ее мужа и я ждал. Часа через полтора он пришел и сообщил, что немцы уже вступают в город, что занят уже Михайловский участок, что приближаются к Петропавловскому и, очевидно, часа через 3—4 будут и у Херсонского участка.

Тов. Медведенко раздобыл бритву. Я сбрил бороду, постриг по-английски усы, одел шапку пожарного и вместе с Медведенко прошел через двор участка в пожарную, там находу надел широкополую шляпу и мы вышли на улицу. Расцеловались, и я пошел на завод Адмиралтейство Р. О. П. и Т. в надежде достать там шлюпку и на ней переехать на броненосец «Ростислав», стоящий на большом рейде. Было около семи часов вечера.

Тов. Бобков, как только ушел из Херсонского участка, направился прямо на Платоновский мол, где у пристани на-готове оставалась небольшая военная яхта «Колхида», с «Колхидой» по радио передали на «Ростислав» — тов. Кондренко, что арестован Ачканов и сидит в Херсонском участке и что с ним сидят некоторые моряки и красногвардейцы.

Тов. Кондренко пред'явил ультиматум Городской Думе: — освободить меня и всех арестованных моряков и красногвардейцев, в противном случае угрожал бомбардировкой города.

Как мне потом передавали, Дума обещала освободить меня и других в шесть часов вечера. Я же ушел из Херсонского участка около 7-ми часов вечера, когда уже темнело.

Пробравшись на завод, я прошел на пароход «Тигр», который оставался на заводе с разобранной машиной, находясь в капитальном ремонте. На пароходе, в матросском кубрике шло заседание судового комитета. Коротко информировав их о положении в городе, я просил доставить меня на «Ростислав».

Мне сообщили, что буксирный пароход «Смелый» у пристани завода грузит уголь и сейчас выведет на рейд пароход «Ай Петри». Отправившись туда, я — как председатель Эвакуационной комиссии, предложил капитану доставить меня на «Ростислав». Через некоторое время меня доставили на «Ростислав».

Таким образом эвакуация закончилась довольно удачно, если не считать тех богатств, которых нельзя было вывести, так как для их эвакуации потребовалось-бы не шесть дней, а несколько месяцев».

НА БРОНЕНОСЦЕ „РОСТИСЛАВЕ“.

К моему прибытию в кают-кампании «Ростислава» заседало делегатское собрание, обсуждавшее вопрос — оставаться ли броненосцу в Одессе или итти в Севастополь.

Для окончательного решения постановили — созвать общее собрание всего экипажа.

В то время во флоте, как и вообще в воинских частях, был широкий демократизм и все вопросы, вплоть до оперативных и стратегических, обсуждались на общих собраниях.

Председатель судового комитета броненосца тов. Федоров, открыв общее собрание, огласил повестку дня, заключавшую в себе один лишь вопрос — итти-ли в Севастополь или Одессу?

Комиссар военного флота Одесского рейда тов. Кондренко, сделав информационный доклад, сообщил, что по имеющимся у него сведениям, в настоящее время в Одессу вступают немецкие и австрийские войска.

Информация вызвала горячие прения. Большая часть матросов стояла за немедленный отход в Севастополь, «щирые украинцы» настаивали, чтобы остаться в Одессе; они говорили: «неправда, что немцы и австрийцы вступают в Одессу, в Одессу пришли наши браты украинцы — и нам незачем уходить из Одессы, а нужно поехать на берег и подробно узнать» и т. д.

В конце-концов собрание постановило послать делегацию на берег, в Городскую Думу, с информационной целью, избрав для этого 4-х делегатов, всех украинцев, тех именно, которые особенно настаивали на посылку делегации.

Утром, на паровой яхте «Колхиде» делегация отправилась на берег, условилась, что если она не вернется к трем часам дня, то это будет значить, что ее задержали и тогда «Ростислав» начнет бомбардировать город.

Спустя часа три по прибытии делегации, сигнальщики заметили, что со стороны Большого фонтана показались три немецкие аэроплана, которые летели вдоль берега по направлению к Ланжерону.

Председатель судового комитета тов. Федоров, когда ему об этом доложили, велел приготовить зенитные орудия для обстрела аэропланов.

Когда аэропланы повернули в сторону «Ростислава», зенитки открыли по ним огонь, снаряды рвались все ближе и ближе к аэропланам. Круто повернув по направлению к Александровскому парку, аэропланы стали снижаться. Тогда обстрел их прекратился.

К условленному времени делегация вернулась на «Ростислав», а с нею на броненосец прибыли два делегата от Городской Думы.

На юте моментально собралось общее собрание всего экипажа.

Матрос, — делегат-украинец стал докладывать: «Мы пристали к Платоновскому молу. Вышли на берег. Не успели мы пройти пятидесяти шагов и только поровнялись с пакгаузом, как из-за угла пакгауза выскочил взвод австрийцев и атаковал нас. Мы об'яснили австрийцам, что мы делегаты с броненосца «Ростислав», но они ничего не понимали, окружили нас и повели по направлению в бульварной лестнице. Бульварная лестница и Николаевский бульвар сплошь были забиты народом, все буржуазия, разодетая, как в праздник. Как только нас повели по бульварной лестнице, то со всех сторон посыпались по нашему адресу возгласы: — кровопийцы, негодяи, мерзавцы, разбойники... Растерзать их мерзавцев, — и стали бросаться к нам с кулаками, но австрийцы со штыками наперевес расчищали нам дорогу и никого не допускали».

По палубе пронеслись негодующие возгласы матросов: — «Мало этой сволочи постреляли, нужно было всех буржуев уничтожить» и т. д.

Докладчик продолжал: — «На бульваре буржуазия ругала нас еще хуже и тоже пытались отнять нас у австрийцев и растерзать. А у Думской площади мы увидели роту австрийских солдат и много офицеров. Возле них толпились фотографы и непрерывно снимали их. Разодетые дамы бросали им цветы и посылали воздушные поцелуи. Нас привели в Городскую Думу, там уже был временный австрийский комендант города. Мы об'яснили членам Городской Думы, что мы приехали в качестве делегации с броненосца «Ростислав», чтобы узнать, кто занимает Одессу и, если бы мы согласились остаться в Одессе, то какие для нас будут условия. Городской голова стал нам об'яснять, что в настоящее время в Одессу вступили немецкие и австрийские войска и что Городская Дума будет очень рада, если броненосец «Ростислав останется в Одессе. Но об условиях придется поговорить с военными властями.

— Австрийский офицер заявил, что броненосец может войти в порт и что по отношению матросов не будет никаких репрессий, но только броненосец «Ростислав» должен будет разоружиться, т. е. нужно снять замки с пушек и сдать их военному командованию.

— «Члены Городской Думы убеждали нас в необходимости остаться в Одессе броненосцу «Ростислав». Нам стало понятно, что нас хотят использовать в своих интересах. — Войдите в бухту и снимите замки — пушек, тогда они будут с нами говорить другим языком.

«Много они нам еще говорили всякой всячины и очень обижались, что мы увели все суда и увезли уголь и т. д. Я им сказал, что мы не вправе здесь решать никаких вопросов, а поедем на корабль и доложим, а там, как решат, так и будет и что нам пора отправляться на корабль».

— Австрийский офицер заявил, что нас нужно задержать до вечера, когда приедет австрийский полковник, его начальник, и тогда он сам допросит делегатов матросов и решит, как быть.

— Я им заявил, что, если мы не прибудем на корабль к трем часам, то, как условились, броненосец «Ростислав» начнет бомбардировку города, и от этого может пострадать много мирного населения Одессы.

— Городской голова настаивал, чтобы нас отпустить, а австрийский офицер задерживал. Тогда я предложил оставить меня одного до приезда этого полковника, а остальных матросов отправить на корабль во избежание того, чтобы не пострадало много народа от бомбардировки Одессы.

— Члены Думы и городской голова заявил, что, если офицер задержит матросов, то пусть берет на себя всю ответственность, если через час начнется бомбардировка Одессы броненосцем «Ростислав».

«После этого офицер согласился нас отпустить. Городская Дума с нами послала двух своих делегатов для переговоров с экипажем корабля. Это помогло тому, что австрийский офицер согласился нас отпустить. Так что, по мнению докладчика, боевым судам на Одесском рейде делать нечего, необходимо сняться и итти в Севастополь «Ростиславу», «Синопу» и угольному транспорту».

«Когда нас вывели из Городской Думы, то на нас опять посыпались ругань и всякие угрозы со стороны буржуазной публики. Австрийцы оттеснили публику, посадили нас в автомобиль и повезли в порт».

На палубе корабля послышалась отборная матросская ругань по адресу буржуазии.

В дополнение к докладу делегата матроса было предоставлено слово члену Одесской Городской Управы, с.-р. Цывареву, который от имени Городской Управы просил матросов «Ростислав» не уходить из Одессы и защитить мирное население от австрийцев и немцев.

Его матросы не захотели слушать.

Послышались голоса: «Довольно, надо итти в Севастополь, нам здесь делать нечего».

Собрание еще не было закрыто, но матросы стали расходиться с возгласами: — «В Севастополь».

Раздались свистки боцманов. Послышалась команда: — «Кочегары в ко-че-гар-ку. Трюмные в канатный ящик. Третья «вахта — на вахту. Артиллеристы к орудиям...

Общее собрание разошлось. Задымили трубы. Вирали якорь. Ветер свежал.

«Ростислав», покачиваясь, снялся с якоря и взял курс вдоль Фонтанских берегов, передав по сигналу угольному транспорту — «Следовать за мной».

По радио передал броненосцу «Синоп», чтобы готовился к отходу в Севастополь. Проходя мимо Одесских берегов «Ростислав» ощетинился — направив жерла пушек на берег, на случай, если с берега зацепят.

И так, мы вышли в море, оставив позади себя Одессу со всем пережитым от февральской революции до этого часа. «Синоп» следовал за «Ростиславом».

«Ростислав», плавно покачиваясь, все больше и больше кланялся волнам, которые с ревом разбивались о правую скулу броненосца. Спустилась ночь.

Перед рассветом штормом отбило задрайки якорных клюзов и стало заливать вторую палубу.

Командир изменил курс и пошел малым ходом за зыбью, чтобы дать возможность исправить повреждение, причиненное штормом. Через ½ часа повреждение было исправлено. «Ростислав» лег на прежний курс.

Стало светать.

Вдруг почувствовался сильный толчек, как будто от взрыва мины или от толчка о подводную скалу.

Все повскакивали с мест.

Старший артиллерийскийй офицер и трюмный техник бросились по коридору второй палубы розыскивать причину толчка.

Оказалось, что произошел сильный взрыв в канатном ящике, где работали матросы по откачке воды, налитой вследствие происшедшей аварии.

От взрыва повыносило все броневые двери в носовой части броненосца, сорвало с палубы брашпиль и начался пожар в малярной, расположенной неподалеку от места взрыва.

Свободные от вахт матросы и матросы, бывшие на фронте и ехавшие пассажирами, проснулись от взрыва и повыскакивали на палубу.

Судовой комитет и часть офицеров бросились искать места пожара, потому что густой и едкий дым в носовой части не давал возможности определить место пожара.

Вахтенные машинисты растягивали шланги и привинчивали их к пожарным винтелям. Пожарная помпа качала воду. Закипела работа по тушению пожара. В этот-же момент в другой — кормовой части броненосца — столпилось человек 150 матросов вокруг большого баркаса, схватившись каждый рукой за борт баркаса, как-бы готовясь его спустить на воду; а шторм ничуть не унимался и также свирепо волны окатывали броненосец.

Ясно было, что в такую погоду спустить на воду баркас совершенно невозможно. Его при спуске зальет или же опрокинет, как только он спустится на воду. Но братва

была из тех, которая не рассуждает и продолжая толпиться у баркаса, производила панику..

Вдруг здесь-же появляется с блестящим никеллированным браунингом в руке председатель судового комитета т. Федоров. По-флотски кроет всех самым отборным «матом» и кричит: — «Разойдитесь от баркаса или на месте расстреляю».

Это неожиданное и мужественное поведение тов. Федорова сразу отрезвило матросов и они смущенно стали отходить от баркаса.

Старший артиллерийский офицер с несколькими матросами, несмотря на едкий дым, быстро установили, что пожар в малярной.

Через трюк туда отправили воду на огонь.

В это же время по очереди человек около пятидесяти матросов совместно с офицерами вытаскивали из малярной, не захваченные еще огнем краски, которые стали выбрасывать за борт.

Командир изменил курс, повернув броненосец за ветром и уменьшил ход.

Пожар продолжали тушить, дым становился как-будто более белым и наконец показался пар вместе с дымом, пожар уменьшался. Машинная команда и кочегары в машине и кочегарке делали свое дело с полным сознанием своего долга, не оставляя своего поста в этот ответственный момент.

Характерно, что во время пожара на броненосце поддались панике случайные матросы, ехавшие пассажирами. Среди них было много молодых матросов, не прошедших серьезной морской школы.

Наоборот, кадровые матросы и офицеры во время пожара, не сходя с своего поста, исполняли свои обязанности.

В тушении пожара принимали участие все подвахтенные матросы броненосца.

Через ¾ часа или час после взрыва, пожар удалось потушить. Тогда матросы полезли в канатный ящик, откуда слышались стоны обгоревших и стали их вытаскивать совершенно черных, стонущих в агонии.

Человек 8 матросов оказались мертвыми и столько-же с тяжелыми ожогами.

По локализации пожара, командир взял курс на Евпаторию почти за зыбью. Не останавливаясь в Евпатории, часам к трем этого же дня вошли в Севастопольскую бухту и стали на бочку.

Немедленно была назначена комиссия из специалистов для выяснения причины взрыва; и комиссия установила, что взрыв произошел от адской машины.

Очевидно, адскую машину установили сбежавшие с броненосца в Одессе два офицера с расчетом, что взрыв произойдет в открытом море и от него погибнет броненосец вместе со всеми матросами.

В ФЕОДОСИИ.

Эвакуированные из Одессы транспорты направились частью в Севастополь, частью в Феодосию.

В Феодосийский порт транспорты с эвакуированными советскими работниками и воинскими частями прибывали не сразу, а по мере того, как они — отходили из Одессы.

Одним из первых в Феодосию прибыл пароход Доброфлота «Владимир». На нем прибыл комитет Одесского Союза моряков. В числе других на «Владимире» был и тов. Реев — анархист, член Одесского Комитета союза моряков, который и об'явил себя комиссаром Феодосийского порта и, пользуясь боевым настроением моряков, распространил свою - власть на город, стал вмешиваться в дела местного совета, делая при этом много нетактичностей, чем осложнил отношения между эвакуированными и Феодосийскими советами.

Реев вел себя как в завоеванной стране.

Пароходы все прибывали в Феодосию и на берег высаживались эвакуированные и советские работники и та часть воинских частей, которая сюда прибывала.

Постепенно, в Феодосийском порту скопилось больше 25-ти больших пароходов.

Прибыл также в Феодосию — на пароходе «Афон» — «Совет десяти» и Управление Черноморским морским транспортом.

С прибытием «Совета десяти» — Реев был устранен от должности комиссара Феодосийского порта и комиссаром был назначен — Ачканов Григорий.

Военные части разместились в свободных помещениях, а часть временно жила на пароходах, кое-кто разместился в товарных вагонах.

Между тем, немцы передвигаясь все ближе и ближе за Одессой — заняли Николаев. Под Херсоном их немного задержала, отступившая от Одессы сухим путем красная гвардия и некоторые воинские части, которых поддерживала артиллерия заградителя «Ксения», но это не надолго задержало немцев, взяв Николаев, Херсон и Алешки, они стали наступать на Крым.

Мы были вынуждены для защиты Крыма отправить наши воинские части на Перекоп.

Штаб эвакуированных войск и несколько эшалонов оставались еще в вагонах, готовясь к отправке на фронт, как в Феодосию прибыл комиссар Черноморского флота из Севастополя левый с.-р. Спиро для разоружения прибывших в Феодосию частей.

Произошло это от того, что до Севастополя дошли сведения о безчинствах Реева, а там оно преломилось под углом безчинства прибывших из Одессы воинских частей, из-за этих слухов Спиро со своей экспедицией и прибыл к нам.

В Феодосийском порту в это время стоял миноносец типа «Новик», «Колиакрия».

Спиро приказал ему выйти на рейд, а сам без ведома комиссара порта пошел по транспортам снимать моряков для разоружения стоявших на путях у вокзала эшалонов.

Моряки без распоряжения комиссара порта и союза моряков отказались сойти с транспортов на берег и тогда Спиро обратился ко мне с просьбой дать торговых моряков для разоружения эшалонов.

Я посоветовал ему прежде всего договориться с командующим тов. Лазаревым и тогда отпадает надобность в разоружении советских же частей и мы избежим ненужного кровопролития.

Но у Спиро было много самолюбия, он считал себя комиссаром всех вооруженных сил Крыма и держался по отношению Штаба этих частей свысока.

Все же, путем переговоров, отпала надобность в разоружении и через несколько дней эти части в полном составе отправились на фронт.

Положение в Крыму становилось все более тревожным. Немцы, взяв Перекоп, стали наступать на ст. Джанкой, находящуюся неподалеку от Феодосии.

Взяв Джанкой, они стали развивать свое наступление по двум направлениям: — на Севастополь, Феодосию и Керчь. Положение в Феодосии становилось серьезным и мы стали готовиться к эвакуации.

Накануне эвакуации мной был произведен расчет с агентскими и портовыми служащими; им было выдано жалование за месяц вперед. Командам пароходов также во время была выплачена заработная плата и произведена расплата с грузчиками.

Благодаря этому все служащие агентств и порта, которым пришлось в Феодосии остаться, команды судов и грузчики работали, что называется, не покладая рук, так что все то, что только можно было вывезти, было погружено на транспорт, и немцам остался чистенький, под метелку, Феодосийский порт. Ни фунта угля и ни фунта груза.

В это же время в Керчи созывался Черноморский с'езд союза моряков, на который накануне эвакуации, вместе с остальной делегацией отбыл и я, поручив тов. Бойко, моему помощнику, согласно ранее данного распоряжения, отдать приказ об отходе судов, когда на них погрузятся воинские части в согласованном порядке с миноносцем «Колиакрия» и военными властями. Войска на следующий день погрузились на стоящие в Феодосийском порту приготовленные для них транспорты под прикрытием миноносца «Колиакрия», как старшего на рейде и один за другим отправились в Новороссийск, куда благополучно на другой день и прибыли.

Войска, отступившие на Керчь, переправились на Таманский полуостров. А пароходы, находившиеся в Керчи также отошли на Новороссийск. Большинство эвакуированных из Одессы частей под командой тов. Федько отступили на Таманский полуостров совместно с некоторыми крымскими частями.

Это происходило в конце Апреля.

Мы со всем с'ездом Черноморских моряков эвакуировались в Ростов.

Нам пришлось через пару дней передвигаться в Новороссийск, который впоследствие оказался последней базой и мышеловкой для всего Советского Черноморского флота.

В НОВОРОССИЙСКЕ.

При занятии немцами Севастополя, Черноморский флот находившийся в Севастополе не вступил в сражение с немцами, и главные боевые суда Черноморского флота, два дредноута «Воля» и «Свободная Россия» и 14 или 15 лучших миноносцев ушли из Севастополя в Новороссийск. Вместе с ними ушли и несколько военных транспортов.

Когда выходили из Севастополя дредноуты, они не сделали ни одного выстрела по немецким полевым батареям, которые пытались обстреливать, выходящие из Севастопольской Бухты, дредноуты и миноносцы.

В это же время в Новороссийск прибыли транспорты из Феодосии и Керчи.

Воинские советские части были разгружены в Новороссийске и через некоторое время отправились на Кубань, где к этому времени было уже два фронта. Один против немцев, пытавшихся наступать с Донской области, а другой образовался на Северном Кавказе из белых, под командой генерала Алексеева.

Революционное настроение теперь потеряло свой энтузиазм среди торговых моряков.

Руководящая часть торговых моряков, ушедших из Одессы была настроена анархистски.

Когда выяснилось, что весь Крым занят немцами, «Совет девяти» во главе с Чернявским решил опять об'явить своеобразную социализацию торгового флота и об'явить торговый флот — «вольным флотом», независимым от того, кто занимает территорию Крыма и другие берега Черного моря.

Поэтому «Совет девяти» обратился с парохода «Афон», резиденции «Совета девяти» по радио с декларацией ко всем государствам расположенным по берегам Черного моря.

В декларации об'явили русский Черноморский торговый флот — «вольным флотом» и предложили всем правительствам, расположенных по Черному морю государств, войти с «Советом девяти» в переговоры об эксплоатации этого флота.

Насколько близорука была эта точка зрения, можно было заключить по тому, что на берегах Черного моря, в то время располагались государства, которые находились в войне между собой.

Увлекшись социализацией торгового флота, анархисты не учитывали еще одного очень важного обстоятельства, что в тот момент на берегах Черного моря разворачивалась борьба между рабочим классом и буржуазией и предлагая «вольный флот» буржуазным государствам в эксплоатацию, они этим выступали против рабочего класса.

И, когда шла борьба между буржуазией всех национальностей с одной стороны, и рабочим классом с другой стороны, то рабочему классу не все равно в чьих руках находится торговый флот, как один из очень важных факторов этой борьбы. И еще они упустили один очень важный момент, это мнение самих торговых моряков.

Но поведение анархистов из «Совета девяти» характеризует тот момент, когда события развивались с кинематографической быстротой.

Благодаря этому все мелкобуржуазные и анархистские элементы бросались из стороны в сторону.

В Керчи произошло нечто подобное тому, что и в «Совете девяти». Председатель Союза моряков — анархист тов. Улановский, также об'явил торговый флот, находившийся в Керчи, вольным и предложил морякам по своему усмотрению на каждом судне работать и заработок судов делить между командами этих судов. Но тов. Улановский тогда упустил самое главное это то, что этим судам при развивавшихся тогда военных событиях на Черном и Азовском морях, негде было работать.

И, когда немцы заняли Керчь, то они обратились к тов. Улановскому с предложением, чтобы он для Керченского флота избрал флаг. Тов. Улановский выбрал флаг белый с красными диоганалями и немцы согласились на его выбор и на судах в Керчи были подняты такие флаги. Но через несколько дней Улановскому пришлось уйти из Керчи, чтобы избежать участи многих товарищей, которые в результате такой политики немцев попадали в белую контр-разведку и были списаны ею в расход.

По Кавказскому побережью в это же время, власть Советов распространялась немного дальше Сочи.

За Сочи до Батума занимали побережье Черного моря грузинские меньшевики.

Новороссийск-порт сплошь был забит боевыми судами и пароходами.

На дредноуте «Воля» из Севастополя прибыл командующий Черноморским флотом адмирал Саблин, который до назначения из Москвы комиссара Черноморского флота, был старшим на рейде и на боевых судах, первое время по его распоряжению, продолжали развиваться андреевские флаги.

Он также пытался навязать свое распоряжение Областному управлению Черноморского торгового флота, преобразованного из «Совета девяти», чтобы и на всех пароходах находившихся в Новороссийском порту, были не красные флаги, а флаги транспортной флотилии — синие с белыми диоганалями.

Но при переговорах с адмиралом Саблиным, Областное Управление Черноморского торгового флота отказалось исполнить распоряжение адмирала Саблина. Через непродолжительное время пришло распоряжение из Москвы об отзыве адмирала Саблина в распоряжение морского штаба и назначении нового командующего, вместо адмирала Саблина, и назначении комиссаром Черноморского флота тов. Авилова-Глебова.

В Новороссийске гражданская власть была у Новороссийского Совета. Военный флот подчинялся комиссару Черноморского флота. Торговый флот, Областному управлению Черноморского торгового флота.

В Новороссийске получили известие из Москвы о заключении Брестского мира.

Согласно одного из параграфов Брестского мира, торговые суда, мобилизованные во время войны и превращенные в военные транспорты, легкие крейсера, заградители и т. п., вспомогательные суда, должны быть разоружены и перейти в положение торговых судов мирного времени.

В Новороссийске на основании этого параграфа о разоружении бывших торговых судов, стали снимать с транспортов пушки и сдавать военному порту. Военный порт передавал эти пушки военным властям для вооружения бронепоездов.

Среди военных моряков прибывших в Новороссийск были разные настроения.

Большинство было настроено революционно-советски. Некоторые были настроены обывательски и их больше беспокоила участь их семей, оставшихся в Одессе и других портах Черноморского моря, нежели дальнейшая участь революции и эти элементы были наиболее беспокойными и очень часто поговаривали о том, что им нужно итти с судами в Одессу.

Также были настроены и украинцы, но их было меньше.

Были настроения среди моряков такого сорта: — разделить между всеми моряками все деньги Областного управления Черноморского торгового флота и раз'езжаться из Новороссийска.

В Новороссийске торговый флот стоял без действия и это положение разлагающе действовало на торговых моряков и благодаря бездеятельности, у моряков появлялись разные настроения, которые, чем дальше, тем больше ухудшались.

На настроение моряков отражалось также положение на фронте. Если на фронте положение улучшалось, то это немедленно отражалось на настроении моряков и настроение у них улучшалось и наоборот, ухудшение на фронте, ухудшало настроение моряков.

В Новороссийске при смене «Совета девяти» Управлением Черноморского торгового флота и Областным Черноморским Комитетом Союза моряков, анархисты от руководящих обязанностей были устранены и их места заняли большевики, Ачканов Гр. и Кремянский.

Настроение военных моряков тоже было не одинаковое. Часть военных моряков была настроена большевистски, часть анархистски и часть эс.-р.

Среди военных моряков в начале не было таких плохих настроений, как у торговых моряков. Это частью об'ясняется тем, что там была военная дисциплина и военные моряки в большинстве не были связаны с семьями.

Продолжительная стоянка в Новороссийске при бездействии флота, также разлагающе действовала на военных моряков.

У них через месяц, полтора стоянки в Новороссийском порту, появилось новое настроение, которое вылилось в массовой женитьбе военных моряков в Новороссийске, а в связи с женитьбой моряков, свадебные пирушки и. т. д.

Это обстоятельство также разлагающе действовало на военных моряков.

Лето 1918 года в Новороссийске было непрерывной полосой моряцких свадьб. В Новороссийске не хватало невест. Но несмотря на это, среди военных моряков была лучше дисциплина, нежели у торговых моряков.

Немецкое империалистическое правительство, не взирая на то, что подписало Брестский мир, пред'явило Советскому правительству ультиматум, в котором требовало возвращения из Новороссийска в Севастополь Черноморского флота.

Черноморский флот, сосредоточенный в Новороссиййске был сильнее немецкого флота на Черном море и это обстоятельство мешало немецким империалистам быть хозяеми на Черном море.

Это положение понимали не только немцы, но и все моряки черноморцы, находившиеся в Новороссийске.

Севастополь занимали немецкие войска. Немецкое правительство лицемерно мотивировало свой ультиматум тем, что Севастополь является базой Черноморского флота и портом приписки. И потому, нахождение Черноморского флота в Новороссийске является угрозой мира между Германией и Советской Россией,—и тому подобными бреднями. Из Москвы комиссар Черноморского флота тов. Авилов-Глебов получил сообщение об ультиматуме немецкого правительства и распоряжение советского правительства к указанному в ультиматуме сроку сняться из Новороссий-

ска в Севастополь судам Черноморского флота. Большевики имели партийную директиву не сниматься Черноморскому флоту из Новороссийска.

Советское правительство в это время находилось в положении мира, как с Германской группой государств, так и с Антантой и это обстоятельство говорило за то, что Советская Россия не должна делать того, что может усилить какую-либо из империалистических воюющих группировок.

А удовлетворение ультиматума немецкого правительства о возвращении Черноморского флота в Севастополь означало сделать немцев полными хозяевами на Черном море и этим затянуть и без того затянувшуюся империалистическую войну.

В то время, если бы даже было категорическое распоряжение правительства, то благодаря царившему широкому демократизму в Черноморском флоте — оно могло получить силу в том случае, если с ним, после широкого обсуждения, согласится большинство моряков. А такое незаконное требование немецкого правительства Вильгельма II, вызвало всеобщее возмущение черноморских моряков. И, если бы комиссар Черноморского флота отдал бы соответствующее распоряжение Черноморскому флоту, оно не было бы выполнено.

На дредноуте «Воля» было созвано делегатское собрание всех боевых судов Новороссийского рейда с участием трех представителей Областного Комитета Союза моряков:— Кремлянского, Ачканова и Жаринова.

Делегатское собрание открыл комиссар Черноморского флота тов. Авилов-Глебов и сделал сообщение об ультиматуме немецкого правительства и распоряжении Советского правительства об исполнении этого ультиматума, возвратиться Черноморскому флоту в Севастополь. Разгорелись очень жаркие прения по этому вопросу. Часть обывательски настроенных делегатов, имевших семьи в Севастополе и часть командного состава флота настаивала на исполнении приказа правительства, во исполнение ультиматума немецкого правительства и предлагало к указанному в ультиматуме сроку, сняться всему Черноморскому флоту в Севастополь.

Большевики и часть командного состава настаивали на потоплении флота на Новороссийском рейде, чтобы не усиливать ни одной из воюющих империалистических группировок. С.-р. настаивали на том, чтобы не топить флот и не сниматься в Севастополь, а продолжать войну с немцами и говорили, что моряков в этом поддержат кубанские казаки.

Первое делегатское собрание военных моряков не приняло никакого определенного решения и решило передать обсуждение этого вопроса на референдум всех военных моря-

ков, находящихся в Новороссийском порту. Таким образом, этот вопрос был предан всеобщей гласности.

На всех военных судах, всю ночь обсуждали на общих собраниях экипажей судов ультиматум немецкого правительства.

Споры на некоторых судах чуть-ли не доходили до вооруженных схваток между спорящими сторонами военных моряков.

На общих собраниях военных судов, голоса также разделялись по трем предложениям выявленным в прениях делегатского собрания.

Вопрос был слишком серьезный и моряки на некоторых судах еще утром продолжали общие собрания.

Затем вновь было собрано делегатское собрание для выявления результатов референдума и принятия решения. На делегатском собрании выяснилось, что голоса разделились почти пополам между предложением большевиков — топить флот, и предложением — сниматься в Севастополь. Предложение с.-р. продолжать войну с немцами собрало очень мало голосов.

Делегатское собрание, на основании результатов референдума, не приняло определенного решения о дальнейшей участи Черноморского флота и постановило послать делегацию в Екатеринодар в Центральный Исполнительный Северо-Кавказский Комитет Совета Раб., Солд. и Крест. Депутатов.

Выбрали двух представителей от военных моряков (фамилии не помню) и одного от торговых моряков — Ачканова.

Делегация прибыла в Екатеринодар в Центрально-Исполнительный Сев.-Кавказский Комитет Р. С. и Кр. Деп. и доложила о положении Черноморского флота в Новороссийске и просила руководящих директив.

Ц.И.С.—К.К. С.Р.С.К.Д. имел две фракции, большевиков и с.-р. и в первый день прибытия делегации не принял никакого решения потому, что ждал из Царыцина прибытия народного комиссара Труда тов. Шляпникова и только на третий день прибытия делегации в Екатеринодар, поставил вопрос на разрешение в присутствии тов. Шляпникова.

С.-р. настаивали на том, чтобы флот не топить и, чтобы флот не шел в Севастополь и предлагали отказаться от выполнения ультиматума немецкого правительства.

Большинством фракции большевиков в Исполнительном Комитете было принято постановление: «Выполнить распоряжение центра».

Пока делегация моряков дожидалась разрешения вопроса в Екатеринодаре, в Новороссийске среди моряков шло разложение и среди них образовались две равные фракции, одна за поход в Севастополь, другая за потопление флота в Новороссийске.

Во главе первой фракции был дредноут «Воля», а во главе второй дредноут «Свободная Россия». Вокруг «Воли» группировались старые миноносцы, за Севастополь, а вокруг «Свободной России» группировалось большинство новых миноносцев, за потопление флота.

Большинство офицеров Черноморского флота перешло на сторону «Воли». Момент был очень серьезный и, когда делегация вернулась из Екатеринодара в Новороссийск, то уже «Воля» с шестью миноносцами входила на большой рейд.

Рабочие Новороссийска устроили демонстрацию с красными знаменами перед дредноутом «Воля» в пользу оставления ее в Новороссийске, но эта демонстрация не могла повлиять на тех матросов и особенно офицеров, которые стремились в Севастополь.

Большинство матросов собравшихся на дредноуте «Воля» и миноносцах, отходивших в Севастополь были сверхсрочные, кондуктора и имеющие семьи в Севастополе и часть украинцев.

В это же время на других миноносцах шла работа по их разоружению и приготовлению этих миноносцев к потоплению.

В это же время матроссы, оставшиеся в Новороссийске, грузили на платформы быстроходные катера-истребители и отправляли их в Царицын и работа лихорадочно кипела в их руках.

Таким образом, одни матросы плыли в Севастополь к немцам, другие усиленно работали по эвакуации из Новороссийска ценного морского имущества, поддающегося эвакуации. Эта работа шла под руководством тов. Раскольникова.

Другая часть матросов готовила миноносцы и дредноут «Свободная Россия» к потоплению.

На «Воле» и сопровождавших ее миноносцах часть наиболее неустойчивых Черноморских моряков плыла сдаваться на волю немецких империалистов.

Другая же часть, наиболее сознательная и революционная из Черноморских моряков, с затаенной горечью, готовилась потопить свои родные суда для того, чтобы они не достались империалистам и затем ехать на Север продолжать борьбу за Власть Советов.

Миноносец «Керчь» был в полной боевой готовности, на нем были самые революционные и самые сознательные матросы и офицеры.

«Керчь» по одному, на буксире; выводил оставшиеся миноносцы на большой рейд.

Дредноут «Свободная Россия» и два парохода — «Чиатура» и «Греза» буксировали к Дообскому маяку.

На миноносцах, выведенных на рейд, матросы открывали все иллюминаторы, люки, а затем открывали кинсто-

ны и миноносец медленно наполнялся водой, давая крен и тогда в иллюминаторы врывалась вода. Миноносец быстрей погружался кормой в воду и через несколько секунд после этого, скрывался под водой. Только на этом месте, несколько минут после потопления миноносца, еще кипела вода от выходящего воздуха и затем становилась гладкая поверхность воды, как будто здесь ничего не произошло.

Миноносцы типа «Новик» с возвышенными баками, при погружении в воду, — (когда вода подступала к баку, то от запаса плывучести там, бак возвышался над водой) погружались перпендикулярно к поверхности воды, кормой, задерживаясь на минуту, две, торчавшим носом кверху, и затем скрывая в воде, острый, как топор, нос миноносца.

При потоплении миноносца «Шестаков» руководивший его потоплением боцман, когда все было готово к потоплению миноносца, взял винтовку, патронташи, открыл кинстон, окинул взглядом миноносец, заплакал и сказал: «Прощай друг, шесть лет проплавал с тобой, ты погибаешь, а я иду на фронт».

И сошел с миноносца на катер. Миноносец «Керчь» во время потопления миноносцев все время был на рейде неподалеку от них.

Часам к пяти дня все миноносцы были потоплены, но дредноут «Свободная Россия» все еще буксировал и по направлению к Доокскому маяку.

В семь часов вечера, тремя минами, миноносец «Керчь» потопил дредноут «Свободная Россия».

От одновременного взрыва трех мин, дредноут «Свободная Россия» перевернулся вверх килем и через две минуты скрылся под водой.

Миноносец «Керчь» полным ходом погнался за ушедшими в Севастополь миноносцами и дредноутом «Воля», они ушли далеко, и он не смог их догнать, чтобы отдать им такой же прощальный привет, какой он отдал дредноуту «Свободная Россия».

На рассвете следующего утра, миноносец «Керчь» на траверсе «Тупсе» открыл кинстоны и потонул. Матросы и офицеры на шлюпках выехали на берег.

Так ликвидировался последний корабль Советского боевого флота на Черном море в 1918 году.

После потопления боевого флота в Новороссийске стало траурное настроение.

Матросы продолжали грузить морское имущество и истребители на платформы и вагоны, и поезд за поездом с военными матросами и истребителями отправлялся на север.

После потопления военных судов, в Областное Управление Черноморского флота явились консулы Антанты с предложением возвратить им пароходы, принадлежащие до войны судовладельцам государств, входящих в Антанту,

в виду заключения Советской Россией Брестского мира и выхода ее из состояния войны.

Таких пароходов в Новороссийском порту оказалось четыре — «Эльборус», бельгийский, «Оксус» — французский, «Женерозо» — итальянский, «Треввориан» — английский.

После непродолжительных переговоров между Областным Управлением Черноморского торгового флота и Областным Комитетом Союза моряков, — с одной стороны, и консулами Антанты — с другой, было достигнуто соглашение, подписанное обеими сторонами, по которому Областное Управление Черноморского морского транспорта передало эти четыре парохода консулам Антанты в их полное распоряжение.

А консулы Антанты уплатили морякам, плававшим на этих судах компенсацию, в виде трех месячного оклада.

Акт передачи судов составлен в двух экземплярах: — один получили консулы Антанты, второй экземпляр Областное Управление Черноморского торгового флота. Получив в свое распоряжение эти суда консулы Антанты немедленно потопили их, при помощи русских моряков, которым они за потопление заплатили особо по договору с ними.

Три парохода были потоплены на большом рейде, а «Треверсан» в бухте, в виду неожиданного появления немецкого дредноута «Гебена».

Новороссийская радиостанция нащупала вблизи Новороссийска радиопередачи немецкого дредноута «Гебен».

Часа через два-три после этого, из-за мыса у Дообского маяка показался миноносец, идущий полным ходом по направлению к Новороссийской Бухте.

Миноносец вошел в бухту и с хода пристал у Городского мола.

Немедленно на миноносце появились представители Новороссийского Совета, во главе с председателем Совета тов. Лучиным и представителями от торговых моряков.

Мол моментально заполнился обывательской публикой, среди которой виднелось и много буржуазии, которая не скрывала своей радости по случаю прихода немецкого миноносца и слышались возгласы буржуазии «Слава богу. Вот, когда настал конец большевикам».

На миноносце, помимо немецких офицеров, оказался русский флотский офицер-лейтенант граф Ливен, который был переводчиком при переговорах представителей Новороссийского Совета с немецкими офицерами.

Как он переводил это было известно только ему одному. На вопрос т. Лучина о цели приезда немецкого миноносца, немецкие офицеры сообщили, что сюда также через час прибудет немецкий дредноут «Гебен» и немецкие военные суда пришли в Новороссийск выяснить, где остальные суда Черноморского флота, которые согласно требованию

немецкого правительства должны были прибыть в Севастополь, но не прибыли.

Тов. Лучин об'яснил им, что эти суда также ушли из Новороссийской бухты, но были потоплены матросами, которые не хотели итти в Севастополь.

Затем немецкими офицерами было задано еще несколько вопросов. Тов. Лучин им ответил.

Ответы тов. Лучина не удовлетворили немецких офицеров, они сообщили, что об этом доложат адмиралу, прибывшему на дредноуте «Гебен».

Миноносец отошел от мола и пошел навстречу дредноуту «Гебен», который показался со стороны Гелинджика.

Новороссийский Совет сообщил в Екатеринодар в Ц.И. С.К.К. С.Р.С.К.Д. о приходе дредноута «Гебен» и о предварительных переговорах с немецкими офицерами на миноносце и, что предстоят переговоры с немецким адмиралом, прибывшим на «Гебене» и просил прислать своих представителей для ведения переговоров.

На следующее утро из Екатеринодара прибыли два представителя Ц.И.К.С.-К.К. С.Р.К.С.Д.

В Исполкоме Новороссийского Совета была составлена делегация для переговоров с немцами, в составе двух членов Ц.И.С.-К.К. С.Р.С.К.Д., председателя Новороссийского Совета тов. Лучина и меня.

Немецкий адмирал утром пригласил представителей Советской власти Новороссийска и Кубани на дредноут «Гебен» для переговоров.

Советская делегация приехала на дредноут «Гебен».

Начались переговоры с немецким адмиралом, кажется Гофманом, граф Ливен исполнял обязанности переводчика и заглядывал все время в глаза немецкого адмирала заискивающе, желая угадать его желания.

Переговоры велись в рупке на верхней палубе дредноута «Гебен». Я обратил внимание на карту, лежащую на шкафчике в этой рупке.

Это была подробная карта Кубани немецкого издания.

Во время переговоров Советской делегации с немецким адмиралом, вдруг, совершенно неожиданно для советской делегации в рупке появился секретарь Новороссийского Отдела Союза моряков Петр Чуб — украинский патриот.

Немецкий адмирал поставил Советской делегации вопросы:

«Почему не выполнено требование немецкого правительства о возвращении Черноморского флота в Севастополь?»

Ответ делегации был таков:

«Черноморский флот подчинялся непосредственно правительству РСФСР в Москве, он получил распоряжение правительства уйти из Новороссийска в Севастополь и все суда вышли из Новороссийской бухты. Часть моряков исполнила это распоряжение и дредноут «Воля» с шестью ми-

носцами ушла в Севастополь. Остальные моряки взбунтовались и потопили те суда, на которых они плавали; местные советские власти не имели права вмешиваться в распоряжения Центрального правительства и не могли оказать давление на моряков, которые располагали крупной военной силой».

В это время вмешивается в разговор Чуб и обращается к Советской делегации с вопросом:

«Почему вы не сказали, что сами принимали участие в потоплении флота?»

Представитель Советской делегации продолжал:

«Местные Советские власти не имеют от своего правительства полномочий вести переговоры с представителями немецкого правительства и по всем этим вопросам немецкому правительству надлежит обратиться в Москву в Комиссариат Иностранных Дел РСФСР, а местные Советские власти о всем случившемся в Новороссийске с Черноморским флотом доложили своему правительству».

Немецкий адмирал остался недоволен таким ответом Советской делегации и поставил такой вопрос:

— «На Северном Кавказе, по немецким сведениям имеется 20.000 военнопленных немцев и австрийцев, в виду заключения Брестского мира между Германией и Россией должен произойти обмен военнопленными, а поэтому мы желаем, чтобы местные власти не чинили препятствий в погрузке этих 20.000 немцев и австрийцев военно-пленных для отправки на родину».

Советская делегация на это ответила, что этот вопрос тоже может быть разрешен только правительством РСФСР в Москве.

Затем немецкий адмирал поставил еще вопрос о возврате, согласно Брестского мира, бывших немецких и австрийских пароходов, находящихся в Новороссийском порту, немцам. И еще несколько более мелких вопросов.

Советская делегация отвечала все в том же духе. Немецкий адмирал сердился и был очень недоволен ответами Советской делегации. В середине переговоров врывается в рупку немецкий, маленький, рыженький, лейтенант, вытянувшись в струнку и что-то докладывает адмиралу.

Немецкий адмирал через переводчика сообщил Советской делегации, что ему доложил лейтенант о прибытии в Новороссийск бронепоезда, который направил пушки на дредноут «Гебен», поэтому он прерывает дальнейшие переговоры и отдает распоряжение приготовить в боевое положение дредноут. Советская делегация стала заверять, что никаких агрессивных действий со стороны бронепоезда не может быть и, что бронепоезд несет охранную службу между Новороссийском и Екатеринодаром.

Но немецкий адмирал и слушать не хотел того, что говорила Советская делегация. Он во что бы то ни стало

хотел иметь конфликт и поэтому пустился на эту глупую провокацию, в надежде сорвать переговоры, с одной стороны, и надеялся, что в Новороссийске с приходом немецкого дредноута «Гебена» возникнут беспорядки или произойдет восстание против Советов и он тогда под предлогом защиты немецких граждан сможет занять Новороссийск. Но поскольку ничего подобного не было и в Новороссийске был полный порядок и была усилена охрана города, то немецкий адмирал придрался к прибытию в Новороссийск бронепоезда.

Советская делегация предложила немецкому адмиралу послать своего офицера с председателем Совета тов. Лучиным на берег, чтобы на месте убедиться в полной лойяльности по отношению к «Гебену» советского бронепоезда, а пока немецкий офицер будет на берегу в доказательстве того, что советские войска по отношению к немцам настроены вполне лойяльно и, что ничего не угрожает немецкому офицеру, Советская делегация останется на «Гебене» в качестве заложников.

Немецкий адмирал согласился на это предложение. Тов. Лучин, совместно с немецким лейтенантом отправились в Новороссийск.

Переговоры были прерваны. На палубе поставили круглый столик, три стула и Советскую делегацию попросили из рупки на палубу к этому столику.

На столик подали бутерброды и бокалы с холодным рейн-вин. Для того, чтобы показать нам, что дредноут «Гебен» приводится в боевую готовность, вдруг стали вертеться орудийные башни на дредноуте «Гебен», подниматься и опускаться жерла пушек. Но в это же время, немецкие матросы свободно разгуливали по палубе и рассматривали советские берега.

Ясно было, что все это проделывалось немецким адмиралом с провокационной целью.

И нужно было быть или полными дураками или маленькими младенцами, чтобы поверить сказке этого немецкого лейтенанта, что советский бронепоезд готовится вступить в бой с дредноутом «Гебеном».

Может быть немецкий адмирал считал нас полными профанами в военном деле, но с такой наглостью мог поступать только зарвавшийся легкой победой на Украине немецкий милитарист, который хотел поиздеваться над большевиками, пользуясь своим военным превосходством.

Каждому, не только военному, но и штатскому человеку, могущему только считать по пальцам, было ясно, что на дредноуте «Гебен» было 10-одинадцать дюймовых морских пушек, не считая мелкой артиллерии и к тому же он весь обшит бронею. А на бронепоезде могло быть не больше трех шести дюймовых пушек. Но немецкому адмиралу нужно было сорвать переговоры и вмешаться в дела Новороссийска и он затеял эту историю.

Пока тов. Лучин с немецким лейтенантом ездил на берег и там осматривали бронепоезд, немецкий лейтенант, убедившись в лойяльности советского бронепоезда, хотел еще осмотреть и пушки бронепоезда, но командир бронепоезда не пустил немецкого лейтенанта к пушкам и этим лишил его возможности удовлетворить свое любопытство. Мы все это время сидели за столиком на палубе дредноута «Гебен», ели бутерброды и запивали рейн-вин.

Вокруг нас вертелись в штатских костюмах люди, каким-то образом оказавшиеся на «Гебене», один старик немец, другой, повидимому, грек, которые пытались с нами разговаривать на тему, как моряки топили флот и по другим вопросам, интересующим немецкого адмирала.

Для нас было вполне понятно, что эти типы являются немецкими шпионами, которых привезли с берега для доклада немецкому адмиралу.

Находившийся тут же на палубе Чуб, держал себя также, как и эти типы в штатском. Он непрерывно, на перебой с этими типами задавал нам вопросы: «Почему вы не сказали, что вы потопили военные суда и транспорты и т. д.». И он упрекал нас за то, что мы были не искренни с немецким адмиралом.

Прошло около трех часов с момента от'езда т. Лучина с «Гебена» на берег и его возвращения все еще не было видно.

Нас это обстоятельство начинало серьезно беспокоить. Не выкинул-ли кто на берегу какую-либо провокацию по отношению к немецкому лейтенанту, что до сих пор их нет с берега? Если это случиться, тогда немецкий адмирал воспользуется этим обстоятельством и постарается занять Новороссийск.

Но наши опасения не оправдались.

Наконец, показался катер, выходящий из ворот порта, который вез тов. Лучина и немецкого лейтенанта.

Катер пристал к борту дредноута «Гебена». Взошли на палубу тов. Лучин с немецким лейтенантом. Немецкий лейтенант доложил адмиралу, что на берегу все покойно и бронепоезд не принимает никаких агрессивных действий по отношению к дредноуту «Гебену».

Адмирал выругался и остался очень недоволен этим сообщением и на предложение советской делегации продолжить переговоры, заявил, что переговоры он сегодня не желает вести и переносит их на завтра.

Нам подали адмиральский катер и свезли нас на берег.

Если этому адмиралу приходится вести переговоры и теперь с Антантой или приходилось ему вести переговоры при заключении мира Германии с Антантой, то мы можем пожелать ему вспомнить, как он вел себя при переговорах с Советской делегацией в Новороссийске в 1918 г. и, если представители Антанты с ним также обращаются, как он

обращался с нами, то это ему будет компенсация за те приятные минуты, когда он пытался издеваться над Советской делегацией.

В Новороссийске в это время было несколько сот военно-пленных немцев, живших в казармах.

Немецкий генерал пожелал их посмотреть.

Новороссийский Совет не чинил ему никаких препятствий. На площади, против городского сада, адмирал устроил настоящий смотр военно-пленным немцам, обходил их ряды, распрашивал их и вел с ними разговоры.

На следующий день на дредноуте «Гебене» возобновились вновь прерванные накануне переговоры немецкого адмирала с Советской делегацией.

Немецкий адмирал добивался от Советской делегации согласия на получение в его распоряжение бывших немецких и австрийских пароходов, находящихся в Новороссийске и на это получил согласие Советской делегации.

Затем немецкий адмирал настаивал на отправке военнопленных немцев, находившихся в Новороссийске и на Северном Кавказе, на Украине для отправления в Германию.

В этом вопросе Советская делегация вынуждена была согласиться на отправку находящихся в Новороссийске военно-пленных немцев.

Положение было таково, что, если бы Советская делегация не дала на это своего согласия, немецкий адмирал силой бы забрал этих военно-пленных немцев и могли получиться неприятные конфликты с немцами.

Советская делегация за короткий промежуток времени переговоров с немцами, не имела возможности снестись с Москвой и иметь от правительства РСФСР директив, а поэтому была предоставлена сама себе и находилась в весьма затруднительном положении. Этим полностью пользовался немецкий адмирал, который в своих требованиях был слишком наглым и держал себя также, как держали себя французские и английские империалисты по отношению немецких рабочих и немецких граждан при оккупации ими Рейнской области.

Во время переговоров Советской делегации с немецким адмиралом, по пароходам, стоявшим в Новороссийском порту, ходил белогвардейский офицер — лейтенант граф Ливен, совместно с немецкими лейтенантами и уговаривали администрацию русских пароходов и матросов бывших на судах, поднимать любой флаг — украинский и транспортной флотилии или царский русский и итти в любой порт Крыма или Украины при полном покровительстве со стороны немецкого дредноута «Гебена».

Тов. Кремлянский отдал распоряжение начальнику Новороссийского порта закрыть заградительный бон ворот Новороссийского порта. Это распоряжение было исполнено, и

бон был закрыт. Но немцы распоряжались, как у себя дома, в Новороссийском порту.

С дредноута «Гебена» под'ехала шлюбка под командой немецкого офицера, перерубила трос заградительного бона и открыла бон.

Таким образом, немецкий адмирал, с одной стороны, вел переговоры с советской делегацией или, вернее, разыгрывал комедию ведения переговоров и в это же время давал приказ произвести насильственное открытие заградительного бона ворот Новороссийского порта. И в это же время, против согласия советских властей Новороссийска посылал своих лейтенантов уговаривать администрацию русских пароходов сниматься из Новороссийского порта в порты Крыма и Украины, т. е. туда, где были оккупационные немецкие войска.

Эти немецкие офицеры-агитаторы ходили с парохода на пароход, как раз в то время, когда почти все моряки торгового флота были на общем собрании в Народном доме.

На судах остались вахтенные и администрация судов.

На общем собрании моряков была информация о целях прибытия в Новороссийск немецкого дредноута «Гебена» и обсуждение создавшегося положения.

Руководители Областного Комитета и Новороссийского Комитета Союза моряков раз'ясняли цели прихода дредноута «Гебена».

Неустойчивые элементы торговых моряков, по преимуществу из среды администрации, возглавляемые Чубом, высказывались за предложение сниматься пароходом из Новороссийского порта и итти в порты Украины и Крыма.

Наиболее революционные и стойкие моряки поддерживали предложение Союза моряков не поддаваться провокации, исходящей от немецких империалистов, и твердо держаться до конца на советских позициях и оставаться всем судам в Новороссийском порту.

В разгар прений на общем собрании моряков, доложили президиуму, что пришел немецкий адмирал—командир дредноута «Гебен» и просит разрешения допустить его на общее собрание Союза моряков.

Сторонники ухода пароходов из Новороссийска настаивали на том, чтобы удовлетворить просьбу немецкого адмирала и допустить его на общее собрание моряков.

Руководители Союза моряков высказались категорически против допущения немецкого адмирала на общее собрание моряков.

Поставили на голосование общего собрания, и абсолютное большинство голосов получило предложение руководителей Союза моряков не допускать на собрание моряков немецкого адмирала.

Когда общее собрание моряков было в полном разгаре, в это время на многих пароходах шла дискуссия: уходить из Новороссийска, или оставаться?

Администрация вела себя предательски и особенно администрация бывших ропитовских пароходов, которая принимала все меры к тому, чтобы пароходы ушли из Новороссийского порта.

Матросы и кочегары протестовали, но их было очень мало на судах, потому что почти целиком команды этих пароходов были на общем собрании моряков. Администрация этих пароходов отдавала и убирала швартовы, и пароходы один за другим отходили от пристани.

Общее собрание моряков продолжалось и приближалось к концу. Уже принималось предложение общим собранием моряков стойко держаться на революционном посту и не уходить из Новороссийска.

В этот момент получилось сообщение на общем собрании, что пароходы отходят от пристаней и некоторые уже выходят на большой рейд к «Гебену». На многих пароходах происходили сражения между администрацией и вахтеной, бывшей на пароходе, командой. Команда не давала администрации убирать швартовы и отходить пароходам от пристани.

На многих пароходах часть команды была солидарна с администрацией и помогала ей в работе по уборке швартов и отходу пароходов от пристаней.

Общее собрание моряков было закрыто, не кончив обсуждения вопросов. Моряки бросились к пристаням, но там уже осталось мало пароходов. Большинство пароходов уже отошло от пристани и на них не могли попасть моряки, бывшие на общем собрании моряков, и, благодаря этому, не могли оказать сопротивления отходу пароходов.

Поэтому у многих моряков на пароходах остались вещи, и они остались в Новороссийске в том, в чем были на общем собрании моряков.

Советская же делегация в это время искусственно задерживалась на «Гебене» немецким адмиралом для того, чтобы советские власти не могли принимать мер против выхода пароходов на большой рейд.

Администрация пароходов делала свое предательское дело и выводила пароход за пароходом на большой рейд, под крылышко немецкого дредноута «Гебена». Эти предатели рабочего класса раньше, до революции, были ярыми врагами немцев, а теперь шли прямо в лапы немецких империалистов и делали это также сознательно, как они они с Деникиным и Врангелем под покровительством уже Антанты в 1919 и 1920 годах уводили эти же суда за границу с белыми армиями.

Теперь эти господа в Марселе распродают последние суда Черноморского торгового флота.

В ту же ночь, перед рассветом, за немецким дредноутом «Гебеном» снялись с большого Новороссийского рейда ушедшие из Новороссийска пароходы.

В Новороссийске осталось только около десяти пароходов, а из Новороссийска увел «Гебен» около двадцати самых больших пароходов.

Торговые моряки остались в большинстве без судов. Положение становилось еще невыносимее.

С одной стороны, немецкие империалисты с моря старались, несмотря на Брестский мир, всячески ослабить советскую власть.

На Северном Кавказе при полном содействии Антанты, генерал Алексеев собирал новые белогвардейские армии для наступления на Советскую Кубань с севера.

На фронте положение советских войск ухудшалось, белые наступали с севера, приближалась окончательная развязка на Кубани и Новороссийске в августе 1918 года.

Г. Ачканов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

